

ISSN: 3033-6856

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

INNOVATION
AND RESEARCH

№ 2 / 2025

<https://inno-res.com/>

Главный редактор журнала:

Томашевский Кирилл Леонидович, д.ю.н., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Минск, Беларусь.

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Псаррас Харис, кандидат юридических наук, Школа права Саутгемптонского университета, Саутгемптон, Великобритания

Амангельдыкызы Айжан Амангельды, доктор юридических наук, ассоциированный профессор, Университет Кунаева, Алматы, Казахстан

Аткинсон Джо, кандидат юридических наук

Балашенко Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и аграрного права, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Вавилин Михаил Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Гаврильченко Юлия Петровна, доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности, Белорусский государственный университет, юридический факультет, Минск, Беларусь.

Зайцева Екатерина Сергеевна, доктор юридических наук, кафедра теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, Санкт-Петербург, Россия

Здрок Оксана Николаевна, доктор юридических наук, доцент, проректор по учебной работе и образовательным инновациям, Белорусский государственный университет, кафедра гражданского процесса и трудового права, Минск, Беларусь.

Колесниченко Ольга Викторовна, доктор юридических наук, кафедра государственных и гражданско-правовых дисциплин, Рязанский филиал Московского университета МВД РФ им. В.Я. Кикотя, Рязань, Россия

Куницкая Ольга Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры хозяйственного права (учреждение не указано)

Мещанова Мария Валентиновна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Мукалдиева Гулия Бокешовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права, КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Оуян Цзе, PhD, преподаватель частного и нотариального права, Университет Гронингена, Гронинген, Нидерланды

Пилипенко Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления (учреждение не указано)

Пиччирилли Джованни, кандидат юридических наук, профессор конституционного и публичного права, Университет LUISS Гвидо Карли, Рим, Италия

Протасовицкий Сергей Петрович, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, юридический факультет, Минск, Беларусь.

Сальмерон-Мансано Эстер, PhD, профессор юридического факультета, Международный университет Риохи (UNIR), Логроньо, Испания

Сергеев Александр Леонидович, доктор юридических наук, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Скобелев Владимир Петрович, кандидат юридических наук, зам. декана, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права (учреждение не указано)

Смагина Елена Сергеевна, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданско-процессуального и трудового права, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Суворов Евгений Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, МГЮА им. О.Е. Кутафина, адвокат, Москва, Россия

Уайт Сара Бет, кандидат исторических наук, доцент права и содиректор Центра истории права и государственного управления, Школа права Ноттингемского университета, Ноттингем, Великобритания

Хасенов Муслим Хаанатович, PhD по юриспруденции, ассистент-профессор департамента частного права, Университет Максут Нарикбаев, Астана, Казахстан

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул. Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://inno-res.com/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90289

ISSN: 3033-6856

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Innovation and research, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием

соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Innovation and research» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Innovation and research» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Tomashevsky Kirill Leonidovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil and Entrepreneurial Law, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Minsk, Belarus

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Psarras Haris, PhD in Law, School of Law, University of Southampton, Southampton, UK

Amangeldykyzy Aizhan Amangeldy, Doctor of Laws, Associate Professor, D. Kunaev University, Almaty, Kazakhstan

Atkinson Joe, PhD in Law

Balashenko Sergey Aleksandrovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Environmental and Agrarian Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Vavilin Mikhail Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Gavrilchenko Yuliya Petrovna, Doctor of Laws, Professor, Department of Financial Law and Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Zaytseva Ekaterina Sergeevna, Doctor of Laws, Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia

Zdrok Oksana Nikolayevna, Doctor of Laws, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Educational Innovations, Department of Civil Procedure and Labour Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Kolesnichenko Olga Viktorovna, Doctor of Laws, Department of State and Civil Law Disciplines, Ryazan Branch, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Ryazan, Russia

Kunitskaya Olga Mikhailovna, PhD in Law, Associate Professor, Department of Business Law

Meshchanova Maria Valentinovna, Doctor of Laws, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Mukaldieva Guliya Bokeshovna, PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Procedure and Labour Law, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Ouyang Jie, PhD, Lecturer in Private and Notarial Law, University of Groningen, Groningen, Netherlands

Pilipenko Aleksandr Anatolyevich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Public Administration

Piccirilli Giovanni, PhD in Law, Professor of Constitutional and Public Law, LUISS Guido Carli University, Rome, Italy

Protasavitski Sergey Petrovich, PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University, Faculty of Law, Minsk, Belarus.

Salmerón-Manzano Esther, PhD, Professor, Faculty of Law, International University of La Rioja (UNIR), Logroño, Spain

Sergeev Aleksandr Leonidovich, Doctor of Laws, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Skobelev Vladimir Petrovich, PhD in Law, Associate Professor & Deputy Dean, Department

of Civil Procedure and Labour Law

Smagina Elena Sergeevna, Doctor of Laws, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Suvorov Evgeniy Dmitrievich, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University, Attorney at Law, Moscow, Russia

White Sarah Beth, PhD in History, Associate Professor of Law and Co-Director, Centre for Legal History and Governance, School of Law, University of Nottingham, Nottingham, UK

Khasenov Muslim Khaanatovich, PhD in Law, Assistant Professor, Department of Private Law, Maqsut Narikbayev University, Astana, Kazakhstan

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://inno-res.com/>

Media registration number: No. FS77-90289

ISSN: 3033-6856

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Innovation and research, 2025 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

5.1.3. Private law (civil) sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments

on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Innovation and Research" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Innovation and research" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки	8
Харевич Д.Л. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРАВОНАРУШЕНИЕ» И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	8
Фраделла Г. СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ.....	22
Фарралл С. МЕСТО РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ СОВРЕМЕННОГО СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	33
Тейлор М.П. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ОБОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ШАРИАТА В РЕАЛИЯХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА	44
Стикл Б. РОЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРОБЕЛОВ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	58
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки	70
Ларраури Е. К ПРОБЛЕМЕ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	70
Коккалера С. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	83
Вейр Б. СКРИНШОТ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ	95
Кодиров Н.А. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ.....	107
Кодиркулов Х.Р. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «САМОЗАНЯТЫЙ» И «ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	121

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 343.232

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРАВОНАРУШЕНИЕ» И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

**Харевич Дмитрий Людвинович, к.ю.н., доцент; доцент кафедры
оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции,
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск,
Беларусь, d.harvich.by@yandex.ru**

Аннотация

Целью настоящей статьи является анализ соотношения понятий «правонарушение» и «преступление» в рамках отечественной юридической науки и выработка рекомендаций по разрешению спорных вопросов касательно соотношения указанных понятий. Автор рассматривает определения понятий «преступление» и «административное правонарушение» в контексте таких признаков, как общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. Изучает феномен общественной опасности как ключевой отличительный признак преступления. Применительно к вопросу общественной опасности в статье отмечается комплексный характер данного признака и составляющие его элементы. Ставится под сомнение позиции тех исследователей, которые усматривают общественную опасность также у административных правонарушений. Обосновывает нецелесообразность отказа от использования признака общественной опасности и иных признаков в нормах УК РФ применительно к определению понятия преступления. Делает вывод о правонарушении как наиболее широком понятии, включающем в том числе и преступления, и административные правонарушения. Указывается на субъективизм и условность критерия общественной опасности ввиду возможности его применения только в контексте конкретных временных рамок

и с учётом действующего на данный момент законодательство и уровня правового развития.

Ключевые слова: административная ответственность, административное наказание, вред, КоАП РФ, общественная опасность, правонарушение, преступление, признаки преступления, уголовная ответственность, уголовное наказание, УК РФ

Статья поступила в редакцию 22.06.2025, одобрена после рецензирования 12.08.2025, принята к публикации 03.11.2025.

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF "OFFENSE" AND "CRIME" IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE

Dmitry Kharevich, Candidate of Law, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activity of the Faculty of Criminal Police, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Abstract

The purpose of this article is to analyze the relationship between the concepts of "offense" and "crime" in the framework of domestic legal science and to develop recommendations for resolving controversial issues regarding the relationship of these concepts. The author examines the definitions of the concepts of "crime" and "administrative offense" in the context of such signs as public danger, illegality, guilt, and punishability. He studies the phenomenon of public danger as a key distinguishing feature of crime. With regard to the issue of public danger, the article notes the complex nature of this feature and its constituent elements. The positions of those researchers who see public danger in administrative offenses are questioned. Justifies the inexpediency of refusing to use the sign of public danger and other signs in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to the definition of crime.

He concludes that the offense is the broadest concept, including both crimes and administrative offenses. The subjectivity and conditionality of the criterion of public danger is pointed out due to the possibility of its application only in the context of a specific time frame and taking into account the current legislation and the level of legal development.

Keywords: administrative responsibility, administrative punishment, harm, Administrative Code of the Russian Federation, public danger, offense, crime, signs of crime, criminal liability, criminal punishment, Criminal Code of the Russian Federation

Введение

«Преступление» и «правонарушение» справедливо находятся в числе фундаментальных правовых категорий, что определяет соответствующий научный интерес к их осмыслению и с позиций теории, и с позиций практики правотворчества и правоприменения. Вопросы понимания данных категорий, несмотря на наличие множества научных исследований, остаются дискуссионными, что актуализирует выбранную тему в целом и отдельные ее аспекты, в частности, аспекты признаков преступления и правонарушения, в особенности такого признака, как общественная опасность.

Целью настоящей статьи является анализ соотношения понятий «правонарушение» и «преступление» в рамках отечественной юридической науки и выработка рекомендаций по разрешению спорных вопросов касательно соотношения указанных понятий.

Основная часть

В отечественной юридической науке пока не сформировалось единого варианта доктринального толкования понятий «преступление» и «правонарушение» [6, с. 56]. В этом нет никаких сомнений. Что же касается законодательства, а именно Уголовного кодекса РФ [1] (УК РФ) и Кодекса РФ об административных правонарушениях [2] (КоАП РФ), то там имеются

определения указанных понятий, однако, и они не могут не вызывать дискуссий. Этому есть множество причин, в том числе и отсутствие чёткого, однозначного разграничения преступлений и административных правонарушений [12, с. 259].

Рассматриваемая проблема по своей сути является более глубокой, если ее анализировать в первую очередь не в контексте действующего законодательства, а именно в контексте юридической науки. В этой связи необходимо подчеркнуть многозначность термина «правонарушение» и возможность его применения и к нарушениям, например, относящимся к гражданско-правовой сфере отношений. При этом имеет место синонимизация многих терминов [6, с. 56]. Суть любого из отождествляемых с правонарушением понятий составляет нарушение определённых правовых норм. И уже на основе этого можно сделать вывод о том, что любое нарушение правовых норм может быть названо правонарушением. Но поскольку природа, характер, последствия различных нарушений существенно различаются, то в законодательстве и правовой науке для их обозначения применяются различные термины. А понятие «правонарушение» в данном контексте носит обобщающий характер.

Основной научный и практический интерес в данном случае сосредоточен вокруг феномена преступления, раскрываемого по комплексу признаков:

- 1) признание деянием – действием либо бездействием;
- 2) оценка как общественно опасного явления;
- 3) признание виновности как признака деяния;
- 4) признание противоправного (уголовно противоправного) характера;
- 5) уголовная наказуемость [11, с. 418].

Выделенные признаки в полной мере отвечают той модели преступления, которая представлена в ч. 1 ст. 14 УК РФ. И каждый из перечисленных признаков важен и заслуживает отдельного рассмотрения. Так, деяние, как признак преступления, состоит в наличии конкретных действий либо в отсутствии действий (бездействий), когда имеется обязанность (необходимость) действовать. В этом смысле не составляют деяния какие-либо мысли, идеи, не

нашедшие реализации (мыслепреступления). Однако деяние может быть исключено из перечня признаков преступления и рассмотрено в качестве самостоятельного феномена, который характеризуется другими признаками, перечисленными в данном случае (общественная опасность, виновность, противоправность, наказуемость). Но в любом случае оно занимает центральное место.

В контексте изложенного особое внимание необходимо обратить на признак общественной опасности, выступающий, как правило, ключевой основы отграничение преступлений от иных правонарушений. А. М. Смирнов в этой связи указывает дискуссионность вопроса о понятии общественной опасности. В то же время, описывает общественную опасность как признак, указывающий на существенную вредоносность того или иного акта поведения для общества и государства, в силу чего преступление отграничивается от иных правонарушений [11, с. 419].

Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, также другие авторы, рассматривающие преступление как деяние, обладающее признаком общественной опасности [9, с. 129], выделяют ее следующие критерии (признаки):

- 1) влияние на значимые общественные отношения, находящиеся под уголовно-правовой охраной;
- 2) наличие вредоносного потенциала (вероятность причинения существенного вреда);
- 3) общественно опасные последствия;
- 4) виновное отношением субъекта к деянию [9, с. 135].

Вопрос понимания каждого из представленных признаков – предмет отдельных дискуссий. Так, упомянутые исследователи отрицают уместность применения количественных показателей для оценки деяния с точки зрения общественной опасности [9, с. 135]. С точки же зрения авторов УК РФ количественные критерии вполне применимы. И это представляется вполне

обоснованным. Например, общественная опасность кражи не может не оцениваться исходя из размера похищенного; что же касается повторности, то и она законодателем активно используется, в частности, в рамках института административной преюдиции и рецидива.

Нельзя не отметить наличие мнений о том, что признак общественной опасности присущ не только уголовно наказуемым деяниям, но и административным правонарушениям [5]. Различия между ними, с точки зрения сторонников такого подхода, состоят лишь в степени проявления опасности [11, с. 419]. Причем некоторые авторы ссылаются, в том числе, на ч. 2 ст. 2 УК РФ, где говорится о том, что именно УК РФ определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями. Из этого соответствующие авторы делают вывод о существовании и иных деяний, опасных для личности, общества и государства, но не признаваемых преступлениями, в числе которых называют и административные правонарушения [7, с. 65; 12, с. 258]. Думается, что данная позиция имеет под собой определённые основания, хотя и весьма спорные.

Сторонники указанного подхода, вместе с тем, отмечают комплексный характер признака общественной опасности, который включает в себя различные элементы, отражающие характеристику деяния и оцениваемые только в взаимосвязи. При этом они признают необходимость разделения преступлений и административных правонарушений по степени общественной опасности деяний [12, с. 259].

Здесь следует подчеркнуть, что российский законодатель исключает из числа преступлений те деяния, которые формально содержат признаки какого-либо преступления, но ввиду малозначительности не представляют общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Данное положение даёт право для вывода об отсутствии общественной опасности у деяний, не подпадающих под составы, предусмотренные нормами УК РФ.

В теории уголовного права немаловажное место занимает проблематика уголовного проступка как в целом, так и в вопросе выделения уголовных проступков из числа преступлений. Выделение такой категории деяний базируется на том, что отдельные малозначимые деяния не представляют общественной опасности, в связи с чем не должны влечь наказания, связанного с лишением свободы [6, с. 56; 10, с. 528].

Кроме того, если за основу аргументации брать не только теоретические положения, а руководствоваться и формальными соображениями, базирующимися на конкретных нормах УК РФ и УПК РФ, то отличиями уголовных проступков могут быть невозможность реализации в отношении юридических лиц ответственности их совершение; возможность реализации ответственности лишь в уголовно-процессуальном порядке, а не административном, что предполагает рассмотрение соответствующего дела исключительно судом, а не органами, имеющими административные полномочия.

С учётом того, что УК РФ не предусматривает уголовных проступков, все размышления носят исключительно научно-теоретический характер. В то же время, если опираться именно на УК РФ, в содержание которого потенциально могут быть включены нормы об уголовных проступках, то изложенные размышления о специфике уголовных проступков становятся вполне обоснованными.

Нельзя не рассмотреть и нормы КоАП РФ, раскрывающие содержание административного правонарушения. Так, ч. 1 ст. 2.1 в контексте понятия административного правонарушения отражает в целом те же признаки, которые присущи и преступлению, за исключением признака общественной опасности. Думается, с точки зрения законодателя, это ключевое отличие административного правонарушения от предусмотренного УК РФ преступления. Другим значимым отличием, отражённым в ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, является формальная возможность совершения административного правонарушения не

только физическим, но и юридическим лицом, в то время как преступление может быть совершено только физическим лицом.

Таким образом, можно было бы полагать, что вопрос о соотношении преступления и административного правонарушения следует закрыть. Однако есть повод считать рассматриваемый вопрос открытым. Он связан с позицией Конституционного Суда РФ, представленной им в Постановлении от 14 апреля 2020 г. № 17-П, в п. 3 которого в контексте характеристики административного правонарушения характеризуется упоминается признак общественной опасности. Конституционный Суд РФ, в частности, указывает на возможность по объективным элементам административного правонарушения судить и о субъективных. «В частности, по фактическим обстоятельствам, установленным на основе исследования и оценки доказательств и отражающим характер и степень опасности нарушения, его последствия, можно определить и характеристики вины нарушителя, в том числе юридического лица» [3].

Из представленной формулировки очевидно однозначное признание Конституционным Судом РФ признака общественной опасности именно у административных правонарушений. Такая позиция, с одной стороны, вполне понятна, учитывая фактический характер многих правонарушений, предусмотренных нормами КоАП РФ. С другой стороны, данная позиция в определённой степени противоречит позиции законодателя, представленной в УК РФ.

А. М. Герасимов целью (задачей) уголовного законодательства считает оценку преступных деяний, которые опасны для сложившегося в обществе материального порядка, а задачей административно-деликтного права – оценку деяний, которые негативно влияют именно на правопорядок как правовую форму общественных отношений, а не на их сущностные аспекты [4, с. 10]. Полагаем, что такая позиция не лишена оснований, однако разграничение преступлений и административных правонарушений исходя из такого подхода представляется крайне проблематичным.

Нельзя не согласиться с А. А. Пионтковским и другими советскими исследователями в том, что «соотношение между преступлением и проступком не является раз и навсегда данным, а меняется в зависимости от конкретных исторических условий развития... государства» [8, с. 41]. Это означает, что вопрос соотношения преступления и правонарушения, в том числе административного правонарушения, в разные исторические периоды должен решаться по-разному, с учетом актуальных правовых реалий, в том числе и законодательства.

В этой связи учёт законодательства представляется уместным и даже обязательным в рамках теоретического исследования хотя бы потому, что любой закон, в том числе, предусматривающий уголовную, административную и иную ответственность, есть в определённой мере результат развития научно-теоретических представлений о том или ином феномене. В данном случае УК РФ и КоАП РФ есть своего рода результаты доктринального осмысления преступления и правонарушения.

В контексте изложенного интересна идея А. М. Смирнова о том, что с учетом наличия общественной опасности в случае совершения не только уголовно наказуемых, но и других правонарушений, определять преступление следует именно как деяние, запрещенное нормами УК РФ [11, с. 421], без указания на иные признаки.

С такой идеей, конечно же, нельзя согласиться, поскольку исключение из определения понятия «преступление» таких характеристик, как виновность, наказуемость, общественная опасность может отразиться на правоприменительной практике. Но если сейчас имеет место, по крайней мере, признак общественной опасности, то в случае отказа от такого признака как главного отличия преступления, потребуется искать иные отличия, что может оказаться ещё более проблематичным.

Тут невозможно не согласиться с А. М. Герасимовым, усматривающим в современных тенденциях развития уголовного и административно-деликтного

права признаки размытия границ, в том числе ввиду возрождения института административной преюдиции [4, с. 10].

Заключение

Проанализировав теоретическую проблематику, касающуюся соотношения преступления и правонарушения, учитывая нормы действующего законодательства, можно сделать следующие выводы:

1) правонарушений есть наиболее широкая категория, включающая в себя практически любые нарушения правовых норм; и в этой связи преступление, а также административное правонарушение можно считать разновидностями правонарушений; причём преступление является наиболее серьёзным, наиболее значимым правонарушением;

2) ключевым отличием преступления следует считать признак общественной опасности, в том числе с учетом норм УК РФ; административные правонарушения признаком общественной опасности не обладают, что не означает их отсутствие у них признака вредоносности; в этом смысле любое правонарушение вредоносно (несёт определённый вред), но опасны только преступления;

3) признание общественно опасными не только преступлений, но и административных правонарушений представляется ошибочным, в том числе ввиду прямого указания в УК РФ на отсутствие общественной опасности у малозначимых деяний, формально имеющих признаки преступления;

4) критерий общественной опасности является в определённой мере субъективным и условным, и должен рассматриваться исключительно применительно к реалиям конкретного времени, в связи с чем однозначное определение общественной опасности дать не представляется возможным; однако не вызывает сомнений целесообразность определение общественной опасности исходя из качественных и количественных параметров причинённого вреда, а также с учетом самого предмета (объекта) посягательства, его

общественной и государственной значимости с точки зрения национального права.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 4 авг. 2023 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18-20 июня.; Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 32 (ч. I). – Ст. 6145.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. (с изм. и доп. от 4 авг. 2023 г.) // Рос. газ. – 2001. – 31 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 32 (ч. I). – Ст. 6158.
3. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1, части 1 статьи 2.2, части 3 статьи 11.15.1 и пункта 5 части 1 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности», подпунктов 36, 37, 39, 45 пункта 5 и подпунктов 1, 2, 8 пункта 7 требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта, в связи с жалобой акционерного общества «Пассажирский Порт Санкт-Петербург «Морской фасад»: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 апр. 2020 г. № 17-П // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
4. Герасимов А. М. Методологические основания разграничения преступления и административного правонарушения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1(76). С. 5–11.

5. Клейменов М.П. Административное и уголовное правонарушение / М.П. Клейменов // Преступность, уголовная политика, закон / под ред. А.И. Долговой. – М., 2016. – С. 186–193.
6. Кобзарь-Фролова, М. Н. Соотношение правонарушения, проступка, преступления и деликта // Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 1. С. 50–57.
7. Константинов П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 3(260). С. 58–74.
8. Курс советского уголовного права : Часть общая : В 6 т. Т. 2: Преступление / Ред. колл.: А. А. Пионтковский [и др.]. – М.: Наука, 1970. – 516 с.
9. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В. [и др.] Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 124–140.
10. Побежимова, Н. И. Административное правонарушение и уголовный проступок // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 4. С. 525–529.
11. Смирнов А. М. О дефиниции понятия «преступление» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 417–423.
12. Шавырина А. С. Вопросы соотношения преступлений и смежных административных правонарушений // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 256–260.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyun. 1996 g. № 63 FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyun. 1996 g. (s izm. i dop. ot 4 avg. 2023 g.) // Ros. gaz.

- 1996. – 18-20 iyun.; *Sobr. Zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 2023. – № 32 (ch. I). – St. 6145.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 20 dekabrya 2001 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 26 dekabrya 2001 g. (s izm. i dop. ot 4 avg. 2023 g.) // *Ros. gaz.* – 2001. – 31 dek.; *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 2023. – № 32 (ch. I). – St. 6158.
3. Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 2 stat`i 2.1, chasti 1 stat`i 2.2, chasti 3 stat`i 11.15.1 i punkta 5 chasti 1 stat`i 29.10 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax, stat`i 12.2 Federal'nogo zakona «O transportnoj bezopasnosti», podpunktov 36, 37, 39, 45 punkta 5 i podpunktov 1, 2, 8 punkta 7 trebovanij po obespecheniyu transportnoj bezopasnosti, v tom chisle trebovanij k antiterroristicheskoj zashhishhennosti ob`ektov (territorij), uchity`vayushhix urovni bezopasnosti dlya razlichny`x kategorij ob`ektov transportnoj infrastruktury` i transportny`x sredstv morskogo i rechnogo transporta, v svyazi s zhaloboj akcionernogo obshhestva «Passazhirskij Port Sankt-Peterburg «Morskoj fasad»: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 14 apr. 2020 g. № 17-P // *Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».*
4. Gerasimov A. M. Metodologicheskie osnovaniya razgranicheniya prestupleniya i administrativnogo pravonarusheniya // *Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii.* 2020. № 1(76). S. 5–11.
5. Klejmenov M.P. Administrativnoe i ugovnoe pravonarushenie / M.P. Klejmenov // *Prestupnost`, ugovnaya politika, zakon / pod red. A.I. Dolgovoj.* – M., 2016. – S. 186–193.
6. Kobzar`-Frolova, M. N. Sootnoshenie pravonarusheniya, prostupka, prestupleniya i delikta // *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii.* 2010. № 1. S. 50–57.

7. Konstantinov P. Yu., Solov`eva A. K., Stukanov A. P. Vzaimosvyaz` administrativny`x pravonarushenij i prestuplenij: problemy` teorii i praktiki // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Pravovedenie. 2005. № 3(260). S. 58–74.
 8. Kurs sovetskogo ugolovnogogo prava : Chast` obshhaya : V 6 t. T. 2: Prestuplenie / Red. koll.: A. A. Piontkovskij [i dr.]. – M.: Nauka, 1970. – 516 s.
 9. Lopashenko N. A., Golikova A. V., Kobzeva E. V. [i dr.] Obshhestvennaya opasnost` prestupleniya: ponyatie i kriterii verifikacii // Pravoprimerenie. 2020. T. 4, № 4. S. 124–140.
 10. Pobezhimova, N. I. Administrativnoe pravonarushenie i ugolovny`j prostupok // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. T. 16, № 4. S. 525–529.
 11. Smirnov A. M. O definicii ponyatiya «prestuplenie» v Ugolovnom kodekse Rossijskoj Federacii // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12, № 3. S. 417–423.
- Shavy`rina A. S. Voprosy` sootnosheniya prestuplenij i smezhny`x administrativny`x pravonarushenij // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2010. № 1. S. 256–260.

Научная статья

УДК 342.415

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

**Фраделла Генри, к.ю.н., профессор криминологии и уголовного
правосудия, Университет штата Аризона, Финикс, Аризона, США,
henfradella.crj@mail.ru**

Аннотация

В статье преимущественно в научно-теоретическом аспекте исследуются некоторые вопросы, отражающие понимание социальной функции государства применительно к современным реалиям. Затрагивается Конституция РФ как источник норм, обеспечивающих воплощение социальной функции государства в России, и обосновывается практическая значимость теоретических вопросов, связанных с пониманием данной функции. Обращается внимание на наличие условного деления российского населения на две категории по уровню материального благосостояния, что опосредует необходимость активного участия государства в экономике в рамках реализации социальной функции, в целях нивелирования существенного разрыва в благосостоянии. Выделены некоторые подходы, с позиции которых рассматривается социальная функция государства и подчёркивается принципиальное различие понятий «социальная функция государства» и «функции социального государства». Отмечена обусловленность реализации социальной функции государства рыночным характером экономики. Указано на непостоянство понимания социальной функции государства и её обусловленность, в том числе, уровнем развития государства. Сделанный вывод о необходимости первоочередной ориентации не на предоставление готовых социальных благ, а на формирование благоприятных условий гражданам для самостоятельного создания (или) или получения таких благ.

Ключевые слова: государственные гарантии, государство, Конституция РФ, обязанности государства, социальная политика, социальная функция государства, меры социальной поддержки, социальное обеспечение, функции государства

Статья поступила в редакцию 15.05.2025, одобрена после рецензирования 17.07.2025, принята к публикации 03.11.2025.

Original article

SOCIAL FUNCTION OF THE STATE: CONCEPT, CONTENT, PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Henry Fradella, Candidate of Law, Professor of Criminology and Criminal Justice, Arizona State University, Phoenix, Arizona, USA

Abstract

The article mainly examines some issues reflecting the understanding of the social function of the state in relation to modern realities from a scientific and theoretical perspective. The article touches upon the Constitution of the Russian Federation as a source of norms ensuring the implementation of the social function of the state in Russia, and substantiates the practical significance of theoretical issues related to the understanding of this function. Attention is drawn to the existence of a conditional division of the Russian population into two categories according to the level of material well-being, which mediates the need for active government participation in the economy as part of the implementation of a social function in order to offset a significant gap in well-being. Some approaches are highlighted from which the social function of the state is considered and the fundamental difference between the concepts of "social function of the state" and "functions of the welfare state" is emphasized. The conditionality of the realization of the social function of the state by the market nature of the economy is noted. It is pointed out that the understanding of the social function

of the state is unstable and that it is conditioned, among other things, by the level of development of the state. The conclusion is made about the need to prioritize not the provision of ready-made social benefits, but the creation of favorable conditions for citizens to independently create (or) receive such benefits.

Keywords: state guarantees, the state, the Constitution of the Russian Federation, duties of the state, social policy, social function of the state, measures of social support, social security, functions of the state

Введение

В теории государства и права в числе базовых можно выделить проблему определения функций, которые надлежит его выполнять. И речь ведётся не о тех функциях, которые оно берет на себя формально, предусматривая соответствующие нормы в основном законе страны (конституции), а о тех, которые представляются важными с позиции современного научного взгляда на государство, с точки зрения государственно-правовой доктрины.

Вопросы, касающиеся трактовки социальной функции, определения её содержания, определения путей её реализации представляются спорными не только в практическом, но и в научно-теоретическом аспекте, так как в современной науке представлено множество мнений по каждому из значимых аспектов, несмотря на наличие некоторого общего видения социальной функции как немаловажной составляющей деятельности цивилизованного правового государства. В связи с этим представляется важным осмыслить ключевые аспекты данной проблематики и представить некоторые предложения, которые помогут хотя бы отчасти конкретизировать некоторые спорные вопросы, касающиеся теоретического понимания социальной функции государства, в том числе с точки зрения современного российского права.

Основная часть

Исследуемую проблематику ни в коем случае нельзя назвать исключительно теоретической, поскольку она тесно переплетается с

проблематикой законодательного регулирования, прежде всего, регулирования в рамках конституционного права и права социального обеспечения. Однако в данном исследовании главный акцент делается именно на научно-теоретической составляющей, а именно на осмыслении природы социальной функций, её содержания и обосновании ее значимости в целом.

Характеризуя неразрывную связь с практикой законодательного регулирования, укажем на некоторые нормы Конституции РФ [1], в которых воплощается если не практическая, то, по крайней мере, формальная реализация рассматриваемой функции.

Во-первых, ст. 7, где российское государство именуется как социальное, что выражается в декларируемой направленности его политики на обеспечение условий достойной жизни и свободного развития человека. Помимо того, в указанной статье перечислен ряд значимых составляющих социальной функции, в частности:

- минимальный размер оплаты труда (МРОТ);
- поддержка со стороны государства семьи, материнства, отцовства, детства;
- поддержка инвалидов и пожилых лиц;
- развитие системы социальных служб;
- обеспечение государственных пенсий, пособий и прочих социальных гарантий (гарантий социальной защиты).

Помимо того, Конституция РФ содержит и некоторые иные нормы, в которых отражена социальная направленность российской политики, в частности, ст. 13 запрещает разжигание социальной розни, ст. 19 предусматривает равенство гарантий, в том числе устанавливает запрет ограничений по признакам социальной принадлежности. В ряде конституционных норм на государство в лице органов государственной власти возлагается реализация конкретных социальных функций (обязанностей, полномочий). То есть практическая значимость социальной функции сомнений

не вызывает, но с точки зрения её теоретического осмысления возникают некоторые трудности, которым важно уделять внимание именно ввиду их связи с практикой конституционного развития.

Определённые причины в понимании социальной функции можно усмотреть в наличии условного разделения российского социума на две части:

- обеспеченных лиц, в том числе тех, которые имеют сверхдоходы;
- основную массу населения, социальный уровень жизни, которой находится на уровне бедности или близок к нему [8, с. 4].

Конечно, такое разделение весьма условно, если говорить о конкретных статистических данных, однако с точки зрения теоретического осмысления социальной проблемы это разделение вполне понятно и уместно. В нём кроются вполне ясные противоречия, которые государство должно нивелировать именно в рамках реализации социальной функции.

Определённые противоречия в понимании функций государства как в целом, так и социальной функции в частности, обуславливаются различиями в подходах, которые выбираются разными исследователями. Например, функции рассматриваются:

- в контексте деятельностного подхода (как деятельность государства);
- в контексте предметно-политического подхода (как направление и содержание политики);
- с позиции социально-телеологического подхода (как проявление социального назначения государства) [8, с. 14].

Большой интерес представляет именно последний подход, где социальные функции видятся именно в назначении, в роли социальной функции.

Кроме того, с юридической точки зрения в литературе также выделяются три аспекта понимания социального государства, в зависимости от толкования понятия «социальное»:

- социальное понимается в общем смысле, как общественное;

- социальное отражает общественный статус человека, его взаимосвязи с обществом;

- социальное означает рассмотрение вопросов в экономическом (социально-экономическом) аспекте, с точки зрения обеспечения благами (социально значимыми благами) членов социума [8, с. 18–19].

В данной статье автор ориентируется именно на третий подход, понимая *социальное государство как государство, где обеспечивается определённый уровень благосостояния, и это и такое обеспечение уровня благосостояния есть главное назначение государства.*

Безусловно, социальная функция государства находится в неразрывной взаимосвязи с другими функциями [8, с. 33], однако, это не препятствует её особому выделению и рассмотрению как относительно самостоятельной.

Представление о социальной функции государства можно считать результатом многовекового противостояния непривилегированных и привилегированных сословий и развития философских идей о государстве и праве. Причём особенно активно данные идеи развивались в Новое время такими мыслителями, как Ж. Ж Руссо, А Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн [8, с. 17].

Конечно, не могли не отразиться на формировании современных представлений о социальном государстве и уроки Октябрьской революции 1917 г., а также политика Советского государства на протяжении всего периода его существования, ведь Советский Союз стала одним из первых государств, обеспечивших реальные гарантии социальной защиты работающих граждан, в том числе в части ограничения продолжительности рабочего времени (установление 8-часового рабочего дня) и обеспечения возможностей для отдыха [2], хотя сама идея изначально была изложена за 100 лет до Революции Р. Оуэном в виде лозунга: «Восемь часов – труд. Восемь часов – отдых. Восемь часов – сон» [6, с. 182].

Безусловно, в современной теории государства и права понимание социальной функции кардинально расширилось в сравнении с тем, что было в

начале XX в., и сейчас сущность данной функции трактуется принципиально иначе – в контексте всех аспектов существования человека в экономике. Это даёт основание для и расширенного определения содержания данной функции.

С учетом предельно широкого понимания социальной функции, в ее содержании могут быть выделены следующие три составляющие:

- защита человека от рисков социального характера, существующих в экономических реалиях (применительно к России и большинству стран мира – это риски рыночной экономики);

- создание предпосылок (условий) для развития социальной сферы жизни общества;

- распределение (перераспределение) социально значимых материальных ресурсов в интересах всего общества и государства [8, с. 43–70].

Поэтому социальное назначение социальной функции и её роль видится, в том числе, в создании некоторого баланса в обществе. Причём за главный ориентир при обеспечении этого баланса берется именно экономический аспект жизни человека, поскольку именно экономика является тем фундаментом, на котором создаются все прочие условия благополучной жизни, в том числе и имеющие нематериальную составляющую, но от неё зависящие (культура, образование, здравоохранение, определённые духовные ценности).

Ю. Н. Беляева рассматривает функции социального государства в качестве направлений его деятельности, направлений его политики, обеспечивающих формирование стандарта качества жизни населения, повышение качества жизни населения и отсутствие нуждаемости в государственной помощи [4, с. 102]. Такой подход в целом отражает содержание социальную функцию государства. Однако важно подчеркнуть принципиальное различие социальной функции государства и функций социального государства: социальная функция государства – это именно деятельность в социальной сфере; что же касается функций социального государства, то они не всегда имеют социальную

направленность, поэтому понятие «функция социального государства» более широкое, нежели понятие «социальная функция государства».

Н. В. Антонова и О. Ю. Еремина пишут о социальных функциях (именно во множественном числе), видя их в государственной системе социальной защиты и социального обеспечения, которая нацелена именно на обеспечение надлежащих условий жизнедеятельности и предоставление средств к существованию [3, с. 91]. Соглашаясь с данным видением в целом, позволим себе заметить, что предоставление средств – это лишь один из многих аспектов воплощения социальной функции. И, конечно же, данная функция ни в коем случае не может быть сведена к предоставлению чего-либо, особенно в реалиях рыночной экономики.

В теории государства и права, однако, вопрос о расширении или сужении социальной функции остаётся на протяжении многих лет дискуссионным, особенно в постсоветский период, несмотря на то, что в нормах Конституции РФ Россия декларируется именно как социальное государство. При этом, конечно, никто не ставит под сомнение необходимость выполнения государством данной функции.

Профессор О. В. Мартышин указывает на негативное отношение сторонников идеи социального государства к экономическому либерализму, подчёркивая при этом, что в основе идеи социального государства лежат преимущественно труды представителей социалистических и коммунистических теорий [7]. Признавая представленную позицию обоснованной, заметим все же, что и сторонникам экономического либерализма тоже не чужды идеи социального государства. Разница лишь в том спектре социальных гарантий, которые считают необходимым предоставлять населению одни и другие. В этом плане сторонники либеральной экономики, безусловно, выступают за менее развернутый спектр социальных гарантий.

Признавая спорным вопрос о широте мер социальной поддержки (социальной помощи), отражающей реализацию социальной функции, стоит

согласиться с И. М. Блохиной и её соавторами в том, что социальная функция государства применительно к России, безусловно, должна включать меры по преодолению бедности и повышению благосостояния широких слоев населения, в том числе по обеспечению доступности здравоохранения и образования, по содействию в обеспечении комфортным жильём, стимулированию рождаемости [5, с. 261].

То есть социальная функция в одних случаях может реализовываться посредством прямого предоставления определённого блага, в других – путем создания условий гражданам для самостоятельного его получения. Данный вопрос применительно к каждой составляющей социальной функции реализуется по-разному, и здесь вряд ли можно предложить какой-то единый подход.

Считаем возможным согласиться с Г. Н. Тарасовой в том, что в настоящий момент произошёл определённый сдвиг в понимании качества жизни [9, с.156]. В этом смысле понимание социальной функции не может всегда трактоваться одинаково, по крайней мере, с точки зрения её содержания и отдельных элементов. Поэтому, безусловно, социальная функция государства – категория динамичная, во многом зависящая от уровня развития соответствующего государства, специфики отдельных направлений его политики. И совершенно закономерным представляется чрезмерно широкое понимание социальной функции государства в условиях социалистического порядка и более узкое в условиях капиталистического порядка.

Заключение

Социальная функция государства, по убеждению автора, должна рассматриваться как неотъемлемая основа цивилизованного современного правового государства, необходимая для не только обеспечения приемлемого (максимально возможного) уровня благосостояния населения, но и для неуклонного повышения этого уровня. Это динамическая категория, во многом обусловленная реальными возможностями государства, причём во многом

зависящая от сложившегося политического, экономического и правового порядка. Поэтому в рамках социалистического государства социальная функция, безусловно, рассматривается шире, нежели применительно к капиталистическому государству.

Учитывая специфику российской правовой системы и Конституции РФ, гарантирующей населению экономической свободы, социальная функция государства должна рассматриваться с учётом данного фактора и быть ориентированный преимущественно не на предоставление готовых социальных (материальных) благ, а на создание благоприятных условий для их самостоятельного создания и (или) получения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 2020. 4 июл.
2. О восьмичасовом рабочем дне: Декрет Совета Народных Комиссаров от 29 окт. 1917 г. – утратил силу // СПС «КонсультантПлюс».
3. Антонова Н. В., Еремина О. Ю. Социальные функции государства: новые векторы развития // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 89–102.
4. Беляева Ю. Н. О социальных функциях государства // Журнал российского права. 2016. № 1(229). С. 99–106.
5. Блохина И. М. [и др.] Социальная политика и ее основные направления в Российской Федерации // Вестник Академии знаний. 2021. № 44(3). С. 256–261.
6. Зиновьев Г. Е. Сочинения. М.; Пг.; Л.: Госиздат, 1923-1929. Т. 6 : Партия и профсоюзы. 1929. 645 с.
7. Мартышин О. В. Идея социального государства и ее противники // Государство и право. 2011. № 12. С. 5–15.
8. Парий-Сергеенко Е.П. Социальная функция современного Российского государства: монография. Ростов н/Д: Профпресслит, 2020. 127 с.

9. Тарасова Г. Н. Качество жизни и социальные функции государства // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 3(12). С. 150–157.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 2020. 4 iyul.
 2. O vos`michasovom rabochem dne: Dekret Soveta Narodny`x Komissarov ot 29 okt. 1917 g. – utratil silu // SPS «Konsul`tantPlyus».
 3. Antonova N. V., Eremina O. Yu. Social`ny`e funkcii gosudarstva: novy`e vektory` razvitiya // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 12. S. 89–102.
 4. Belyaeva Yu. N. O social`ny`x funkciyax gosudarstva // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 1(229). S. 99–106.
 5. Bloxina I. M. [i dr.] Social`naya politika i ee osnovny`e napravleniya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Akademii znaniy. 2021. № 44(3). S. 256–261.
 6. Zinov`ev G. E. Sochineniya. M.; Pg.; L.: Gosizdat, 1923-1929. T. 6 : Partiya i profsoyuzu`. 1929. 645 s.
 7. Marty`shin O. V. Ideya social`nogo gosudarstva i ee protivniki // Gosudarstvo i pravo. 2011. № 12. S. 5–15.
 8. Parij-Sergeenko E.P. Social`naya funkciya sovremennogo Rossijskogo gosudarstva: monografiya. Rostov n/D: Profpresslit, 2020. 127 s.
- Tarasova G. N. Kachestvo zhizni i social`ny`e funkcii gosudarstva // Obrazovanie i problemy` razvitiya obshhestva. 2020. № 3(12). S. 150–157.

Научная статья

УДК 348

МЕСТО РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ СОВРЕМЕННОГО СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Фарралл Стефен, Ph.D., профессор криминологии факультета социологии и социальной политики, Ноттингемский университет, Ноттингем, Великобритания, sfarrall.nott.uk@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются религиозные нормы в контексте социальных регуляторов применительно к современному светскому государству. Акцент делается именно на теоретико-правовом аспекте, хотя и некоторые законодательные вопросы затрагиваются. В частности, автор предпринимает попытку осмыслить и дать объективную оценку религиозных норм с точки зрения действующей Конституции РФ в целом и отдельных её положений, посвящённых вопросам религии. Обосновывается неразрывная взаимосвязь современного светского права и его норм с религиозным правом и религиозными нормами. Делается вывод о нецелесообразности полного отказа от религиозных норм ввиду их роли как регуляторов самосознания, правосознания и поведения граждан, причём более надёжных, чем правосознание, базирующееся на нормах светского права. Также обосновывается важность сохранения баланса между религиозными и светскими нормами, с приоритетом последних в условиях современного светского государства, обществу которого свойственна определённая степень религиозности.

Ключевые слова: государство, Конституция РФ, нормы морали, нравственные нормы, право, религиозные нормы, светское государство, светское право, социальные регуляторы, этические нормы

Статья поступила в редакцию 04.08.2025, одобрена после рецензирования 23.09.2025, принята к публикации 03.11.2025.

Original article

THE PLACE OF RELIGIOUS NORMS IN THE SYSTEM OF SOCIAL REGULATORS OF THE MODERN SECULAR STATE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Stephen Farrall, Ph.D., Professor of Criminology (Faculty of Sociology and Social Policy), University of Nottingham, Nottingham, United Kingdom

Abstract

This article examines religious norms in the context of social regulators in relation to the modern secular state. The emphasis is on the theoretical and legal aspect, although some legislative issues are touched upon. In particular, the author attempts to comprehend and give an objective assessment of religious norms from the point of view of the current Constitution of the Russian Federation as a whole and its individual provisions on religious issues. The article substantiates the inextricable relationship of modern secular law and its norms with religious law and religious norms. It is concluded that it is inappropriate to completely abandon religious norms due to their role as regulators of self-awareness, legal awareness and behavior of citizens, and more reliable than legal awareness based on the norms of secular law. It also substantiates the importance of maintaining a balance between religious and secular norms, with the latter taking precedence in a modern secular state, whose society is characterized by a certain degree of religiosity.

Keywords: state, Constitution of the Russian Federation, norms of morality, moral norms, law, religious norms, secular state, secular law, social regulators, ethical norms

Введение

В реалиях современного государства, причём как в общественном сознании, так и в праве уже сравнительно давно укоренилось представление о

ведущей роли права и, соответственно, юридических норм как основ для построения самого государства и складывающихся в нем общественных отношений. Тому есть вполне понятные причины, предпосылки. Но в данном случае вряд ли стоит их анализировать.

Нормы религиозного характера в этих условиях, хотя и утратили свою былую значимость, однако полностью не исчезли и продолжают играть определённую роль, причем не только в странах, где религиозные традиции остаются сильны, но и в светских государствах, в связи с чем становятся источником противоречий. Сказанное означает, что проблематика определения места религиозных норм в системе социальных регуляторов остаётся актуальной.

Своей целью в рамках данной статьи автор видит внесение некоторого вклада в определение места религиозных норм в системе социальных регуляторов современного светского государства, преимущественно в теоретико-правовом аспекте.

Основная часть

Говоря о месте религиозных норм в системе социальных регуляторов светского государства, нельзя не затронуть конкретного примера, который бы наглядно иллюстрировал роль религии применительно к современному обществу. В этой связи целесообразно упомянуть принятую в 1993 году Конституцию Российской Федерации [1]. В данном документе совершенно однозначно подчёркивается светский характер законодательства, и в то же время признание и уважение религии, и соответствующих ценностей, которые благодаря ей в обществе признаются, поддерживаются, развиваются, ценятся.

Ст. 14 Конституции РФ гласит, что Российская Федерация есть светское государство и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. При этом религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

В данной норме вполне очевидно прослеживается стремление Российского государства обеспечить некоторый баланс между превалирующим светским правом и религиозными ценностями. В этом смысле нет сомнений в том, что и в определённой мере современное светское государство чтит также религиозные нормы. И данная конституционная норма, как нам представляется, является примером, пусть и косвенного, тем не менее, реального признания определённой роли религиозных норм.

Нельзя не обратить внимание и на положение ст. 19 Конституции РФ, согласно которой государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, а также запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Исходя из смысла данной статьи, можно сделать совершенно однозначный вывод об уважении государством религиозных ценностей и религиозных норм. В противном случае упоминания о запрете ограничивать чьи-либо права, в том числе ввиду религиозной принадлежности, не было бы.

Невозможно не отметить и ст. 28 Конституции РФ, в соответствии с которой каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Это означает, что каждый гражданин или иное лицо, находящееся законно на территории страны, вправе руководствоваться в своей жизни, в том числе и религиозными нормами, что является важной составляющей вероисповедания. Данная норма, безусловно, является ещё одним примером признания религиозных норм светским правом.

Надо сказать, что определённое признание религиозных ценностей и религиозных норм нормами светского законодательства имеет под собой определённые исторические, культурные, правовые и прочие значимые для современного общества предпосылки. Так, если государство рассматривать на базе цивилизационного подхода, то становится очевидно, что его основу изначально составляли такие ценности, как религия и культура, в том числе, и в целом факторы духовного характера, обеспечивавшие некую целостность [6, с. 149]. В этом смысле отсутствие отрицания, отсутствие игнорирования, отсутствие запретов в части религиозных норм вполне соответствует научно разработанному цивилизационному подходу.

Здесь есть все основания для утверждения о том, что светское право – это в определённом степени прошедшее длительный путь трансформации право религиозное. Причем основание для указанного вывода даёт и чёткое понимание особой роли моральных, нравственных постулатов в светском праве, а такие основы, несомненно, проистекают из религиозных догм.

Учитывая изложенное, невозможно не согласиться с мнением В. Д. Зорькина о том, что право не может быть оторвано от норм нравственности, которые определяются религиозной традицией или светской идеологией, укоренены в культуре и созвучны душе каждого нормального человека (т.е. человека, чья личная мораль не диссонирует с общественной моралью и правом как нормой свободы). И общим знаменателем для этих норм, как пишет данный автор, выступает представление человека и общества о справедливом как о благом и должном [2, с. 5].

Вообще место религиозных норм в системе социальных регуляторов, и в том числе в системе права, во многом определяется именно через юридическое признание норм морали и нравственности, а не через прямое признание религиозных идей в светских источниках, регулирующие общественные отношения.

Поэтому признание и обоснование особой роли нравственной составляющей в светском праве есть одновременно обоснование и признание роли религиозных норм в светском праве.

«О нравственной насыщенности юридического закона свидетельствуют многие факты науки и жизни. Нравственные принципы и юридические нормы государства взаимосвязаны почти в той же мере, в какой мере взаимосвязаны религия и нравственность. Поэтому даже если законы допускают какие-то действия, которые запрещены религиозными заповедями, то такое законодательное попустительство не одобряется большинством нравственно просвещенных и образованных людей; еще более порицаются сами аморальные поступки (например, пьянство, проституция, инцест, мужеложство, самоубийство и т. д.). Еще с древних времен нормы морали входили в перечень источников права и потому сами непосредственно определяли содержание многих правовых норм, их надлежащее толкование и применение в жизни.» [5, с. 21]

Соглашаясь с изложенным, уместно выделить, три составляющие в основе социального регулирования, осуществляемого в современном государстве, в том числе светском:

- нормы светского права;
- нормы морали и нравственности;
- религиозные нормы.

Первая категория регуляторов, несомненно, носит общеобязательный характер. Вторая – общеобязательного характера не носит, хотя при необходимом юридическом признании и формализации может таковой получить. Религиозные нормы, во многом способствующие порождению норм морали и нравственности, в светском государстве обязательными не являются, однако они создают предпосылки для возникновения, признание, внедрения морально-нравственных норм в общественных отношения, в том числе в урегулированные правом отношения.

Понимание значимости религиозных норм, однако, не может исключить возникновение вопросов о целесообразности сохранения данного регулятора как одного из значимых социальных регуляторов, в том числе признаваемых правом. В таком случае важно понимать следующее: «Если для христианского сознания “удерживающий” имеет разные теологические толкования, то для сознания светского единственным претендентом на роль “удерживающего теперь” может быть Закон, понимаемый как правовой закон, т.е. закон, соответствующий сути права. При этом светское (а зачастую и религиозное) сознание не может не воспринимать обостренно тот факт, что в нынешнюю эпоху перемен “удерживающий” Закон слишком часто не работает, обнажая “тайны беззакония”.» [2, с. 6]

Если признать обоснованность указанного утверждения, то можно полагать, что религиозные нормы выступают дополнительным фактором, сдерживающим беззаконие, в том числе и в светском понимании. Так вряд ли можно сомневаться, что установленная светским правом уголовная ответственность за убийство в определённой степени дополняется, например, христианской заповедью «не убий». В таком случае сдерживающую роль одновременно играют государство (в лице его правоохранительных органов) и Бог, представления о котором укоренились в сознании верующих граждан.

Профессор И. В. Левакин пишет: «Сегодня никого не надо убеждать в том, что имеет место кризис моральных устоев современного российского общества и взаимосвязанных с ними правовых институтов» [4, с. 97]. Данное утверждение в целом может быть применимо и к обществу, сформированному населением любого другого государства. Поэтому религиозные нормы всегда становятся неким стабилизирующим фундаментом, который если не исключает, то, по крайней мере, снижает остроту кризисных (в моральном плане) явлений.

Тем не менее, нет никаких оснований для утверждения о том, что религиозные нормы представляют собой нечто вечное, незыблемое. Тут опять же стоит согласиться с И. В. Левакиным, который подчеркивает: «Очередной раз мы

находимся на переломном этапе общественного развития, этот перелом происходит в духовной сфере. Нравственные и правовые нормы исторически подвижны; даже религиозные догматы видоизменяются, воплощая взаимодействие устойчивых ценностей общества с новыми. В современном мультикультурном, мультирелигиозном, разделенном на классы (страты) российском атомизированном обществе чрезвычайно трудно преодолеть антагонизм норм поведения, идей, традиций, взглядов на справедливость, долг, честь, достоинство, прийти к согласию об общечеловеческих ценностях.» [4, с. 107]

Если признавать определённую роль указанных факторов мультикультурализма и мультирелигиозности, то могут возникнуть мысли о негативном влиянии религиозной составляющей в системе социальных регуляторов. Однако отказ от такой составляющей был бы ошибкой. «Разногласия в религиях, безусловно, существуют, но считать их «миной замедленного действия», как минимум, не разумно. Недобросовестные политики могут использовать те или иные культурно-религиозные различия для разжигания конфликта в своих корыстных интересах, но причиной конфликта станет тогда не религия, а политика.» [6, с. 149].

Вообще игнорирование религиозного аспекта, отказ от религиозной основы не представляется возможным считать конструктивным решением проблем развития современного общества в контексте права. Как справедливо отметил А. М. Иванов, «положение о том, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» не упраздняет религии, поэтому среди различных регуляторов общественных отношений религиозно-правовые нормы по-прежнему выделяются своей особой важностью. В отдельные периоды истории разных стран религиозное право становится по значимости наравне с государственным правом» [3, с. 13].

В контексте изложенного важно отметить принципиальные направления пересечения, взаимосвязи и взаимовлияния светских (государственных) и религиозных норм.

- правовая онтология современных правовых институтов сопряжена с онтологией канонического права;

- возможность признания государственными судебными органами норм канонического права и решений церковных судов по целому ряду судебных прецедентов;

- утверждение автономности и онтологической легитимности церковного нормативного универсума;

- сложные нормативные пересечения и наложения норм канонического и государственного права в сфере семейных отношений, в биомедицинской сфере, сфере культуры и ряде других областей общественных отношений;

- опосредованное нравственное воздействие императивами из канонического права на состояние современного светского права (институт помилования, институт условно-досрочного освобождения) [7, с. 134].

Заключение

Светские нормы, получившие выражение в формальном праве, находятся в тесной связи с нормами религиозными. В одних случаях эта связь прямая, в других – опосредованная. Однако, сомнений в наличии указанной связи не оставляет тот факт, что морально-нравственные нормы, изначально проистекающие из религиозных идей, однозначно признаются и реализуются именно в рамках светского права, даже если прямо о религиозном характере тех или иных норм светского права не говорится.

Идеи о негативном влиянии религиозных норм на современное общество, возможно, в отдельных случаях и обоснованны. Тем не менее, в целом отрицание роли религии, попытки её игнорирования не представляются конструктивными. Здесь принципиально важно соблюдение баланса между светскими и религиозными нормами, а не отказ от последних.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 2020. 4 июля.
2. Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5-16.
3. Иванов А. М. Метаморфозы религиозного правосознания // Теология. Философия. Право. 2023. № 2(20). С. 8–25.
4. Левакин И. В. Право и религиозно-нравственные нормы российского общества // Журнал российского права. 2012. № 6(186). С. 97–106.
5. Осипян Б. А. О религиозном происхождении и взаимодействии норм нравственности и права (часть 1) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 6(72). С. 19–22.
6. Остроумов С. В. [и др.]. Конституционные и религиозные нормы как основа межконфессионального диалога на постсоветском пространстве // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 148–158.
7. Тупикин Р. В. Особенности взаимодействия церковного и светского права: историко-канонический аспект // Богословско-исторический сборник. 2022. № 2(25). С. 123–136.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 2020. 4 iyul.
2. Zor`kin V. D. Sut` prava // Voprosy` filosofii. 2018. № 1. S. 5-16.
3. Ivanov A. M. Metamorfozy` religioznogo pravosoznaniya // Teologiya. Filosofiya. Pravo. 2023. № 2(20). S. 8–25.
4. Levakin I. V. Pravo i religiozno-nravstvenny`e normy` rossijskogo obshhestva // Zhurnal rossijskogo prava. 2012. № 6(186). S. 97–106.

5. Osipyán B. A. O religioznom proisxozhdenii i vzaimodejstvii norm npravstvennosti i prava (chast' 1) // Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy'. 2006. № 6(72). S. 19–22.

6. Ostroumov S. V. [i dr.]. Konstitucionny'e i religiozny'e normy' kak osnova mezhkonfessional'nogo dialoga na postsovetskom prostranstve // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2015. № 9. S. 148–158.

Tupikin R. V. Osobennosti vzaimodejstviya cerkovnogo i svetskogo prava: istoriko-kanonicheskij aspekt // Bogoslovsko-istoricheskij sbornik. 2022. № 2(25). S. 123–136.

Научная статья

УДК 340: 348.6

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ОБОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ШАРИАТА В РЕАЛИЯХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

**Тейлор Майкл П., Ph.D., Мемориальный университет Ньюфаундленда,
Сент-Джонс, Канада, mtptaynfld@outlook.com**

Аннотация

В статье затрагивается весьма нетипичный для российской правовой науки вопрос теоретико-правового обоснования использования шариата в условиях светской правовой системы. Предпосылкой для обращения к проблеме послужило принятие Федерального закона от 4 августа 2023 года № 407-ФЗ о проведении на территории отдельных российских регионов специального эксперимента по внедрению в договорные отношения практики, исключающей начисление ссудного процент, в рамках договоров партнёрского финансирования, что можно расценить как заимствование отдельных идей исламского права и, в частности, шариата в рамках светской правовой системы. Автором рассматриваются представления о шариате как общественном, религиозном и правовом явлении, но с позиций современной светской юридической науки. Обращается особое внимание на наличие в шариате именно юридической составляющей, наряду с религиозной и нравственно-этической. Дается обзор некоторых запретов и ограничений, обусловленных шариатом и применяемых в экономических отношениях, регулируемых исламским правом. С точки зрения возможности применения шариата в светском праве автором выделяются некоторые формы возможного взаимодействия светского и шариатского права. Теоретические идеи иллюстрируются практическими примерами использования правил шариата в законодательном и подзаконном регулировании, договорной и судебной практике. Основная идея, отстаиваемая в рамках статьи, заключается в

возможности применения шариата лишь как элемента, отчасти дополняющего светское право в случаях диспозитивного регулирования, при условии сохранения ведущей роли светских норм, отсутствии явных противоречий, и применении исключительно формальных правил, вписывающихся в светские представления о праве и общественных правоотношениях.

Ключевые слова: ипотека Мурабаха, ислам, Конституция РФ, светская правовая система, религиозное право, религия, светское государство, светское право, шариат

Статья поступила в редакцию 11.07.2025, одобрена после рецензирования 05.09.2025, принята к публикации 03.11.2025.

Original article

ISSUES OF THEORETICAL AND LEGAL SUBSTANTIATION OF THE APPLICATION OF SHARIA IN THE REALITIES OF THE LEGAL SYSTEM OF A SECULAR STATE

Micheal P. Taylor, Ph.D., Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada

Abstract

The article touches upon the issue of theoretical and legal justification of the use of Sharia in a secular legal system, which is very atypical for Russian legal science. The prerequisite for addressing the problem was the adoption of Federal Law No. 407-FZ of August 4, 2023 on conducting a special experiment on the territory of certain Russian regions to introduce into contractual relations a practice that excludes the accrual of loan interest within the framework of partnership financing agreements, which can be regarded as borrowing certain ideas of Islamic law and, in particular, Sharia within the framework of a secular legal system. The author examines the concepts of Sharia as a social, religious and legal phenomenon, but from the perspective of modern secular jurisprudence. Special attention is paid to the presence

of a legal component in Sharia, along with a religious and moral-ethical one. An overview is given of some of the prohibitions and restrictions imposed by Sharia and applied in economic relations regulated by Islamic law. From the point of view of the possibility of applying Sharia in secular law, the author identifies some forms. possible interaction of secular and Sharia law. The theoretical ideas are illustrated by practical examples of the use of Sharia rules in legislative and subordinate regulation, contractual and judicial practice. The main idea defended in the framework of the article is the possibility of applying Sharia only as an element partially complementing secular law in cases of dispositive regulation, provided that the leading role of secular norms is preserved, there are no obvious contradictions, and the application of exclusively formal rules that fit into secular concepts of law and public legal relations.

Keywords: Murabakh mortgage, Islam, Constitution of the Russian Federation, secular legal system, religious law, religion, secular state, secular law, Sharia

Введение

Правовая система любого государства, находясь в постоянном развитии и трансформируясь под влиянием самых разных факторов, адаптируется к реалиям конкретного государства, в том числе посредством заимствования тех или иных ценностей, опыта, прочих элементов регулятивного характера из культурной, религиозной, иных сфер общественной жизни.

Например, в современном мире имеют место случаи заимствования светскими правовыми системами некоторых инструментов социального регулирования, имеющих религиозную природу. Подобные случаи представляют особый научный интерес ввиду своей редкости, нестандартности, и ценны как опыт совмещения изначально противоречащих друг другу светских и религиозных ценностей именно в условиях светской правовой системы, причем без принципиального изменения ее характера. Один из таких случаев, отражающий заимствование некоторых идей ислама (шариата) в рамках гражданско-правового регулирования ипотеки («ипотека Мурабаха»),

рассматривается в настоящей статье, с точки зрения теоретико-правового обоснования.

Основная часть

Говоря о вопросах применения шариата в реалиях правовой системы светского государства, автор считает принципиально важным обратить первоочередное внимание на конституционные нормы, которые в данном случае, безусловно, принимаются за основу. Во-первых, ст. 1 Конституции РФ [1] провозглашает Россию как демократическое государство с республиканской формой правления; во-второй, ст. 14 определяет статус России как светского государства. Исходя из этого, теоретико-правовые вопросы рассматриваются в контексте заимствования лишь некоторых элементов шариата, не вступающих в какие-либо противоречия с закреплёнными в Конституции РФ идеями.

И здесь важно уточнить понимание шариата с точки зрения современной юриспруденции, причём светской, и конечно, с опорой на труды авторов, рассматривающих его исключительно в контексте светского государства и светской правовой системы. Б. А. Антонов – один из них. В его статье подчеркивается, что шариат прошёл достаточно длительный путь развития, условно состоящий из нескольких этапов трансформации и в результате на сегодняшний день он стал своего рода субсидиарной правовой концепцией [6, с. 79].

Отчасти указанный автор прав, отмечая наличие определённых изменений данной правовой концепции. Однако мы не можем согласиться с субсидиарной ролью шариата. Скорее его можно назвать вспомогательным инструментом, по крайней мере применительно к правовой системе современного светского государства, поскольку именно светски представления о мире, обществе, государстве лежат в основе светской правовой системы. Хотя если рассматривать шариат применительно к отдельным вопросам, регулируемым им в соответствии с нормами светского права, то возможно, субсидиарность тоже имеет место быть.

Если говорить именно о сущности рассматриваемого феномена, с учетом религиозного аспекта, то можно согласиться с профессором Г. И. Муромцевым в том, что в самом общем виде шариат (араб. – «правильный путь») есть выражающий волю Аллаха комплекс предписаний религиозного, нравственного и правового характера, представленный в Коране и Сунне [9, с. 83].

То есть указанное описание отражает комплексность шариата как социального регулятора. И в чем-то он даже близок светскому праву, если не учитывать наличие религиозной составляющей, во многом обуславливающей его смысл. И конечно, данный аспект не может игнорироваться при рассмотрении вопроса о возможности заимствования некоторых элементов шариата в светской правовой системе.

Примечательно, что отдельные исследователи не подчёркивают комплексный характер шариата и сочетание в его рамках наряду с религиозными предписаниями также предписаний правового, этического и нравственного характера. Например, Д. Т. Кулиев характеризует шариат как комплекс предписаний Корана и Сунны [8, с. 23], не акцентируя внимание на их природе. В этой связи для знатоков ислама отсутствие указаний на сочетание правовой, религиозной, этической составляющих не имеет особого значения, поскольку шариат воспринимается догматически, как некая единая система предписаний, прежде всего, религиозного, священного характера. Однако с точки зрения юридического анализа указанные компоненты особо важны, поскольку именно их наличие даёт возможность рассматривать шариата как объект правового заимствования, причем лишь в отдельных аспектах, совместимых с светской правовой системой.

Важной характеристикой шариата является неизменность его предписаний. Хотя они отличаются определённой гибкостью и универсальным характером [8, с. 23]. Данные особенности дают возможность, сохраняя многовековые традиции, адаптировать те или иные идеи к реалиям современного общества, и если уж идёт речь о светском государстве, то к реалиям светского

законодательства в целом и к нормам, регулирующим отдельные правоотношения, где шариат может быть с определённой условностью применён.

Развивая мысль об упомянутых выше характеристиках шариата, стоит согласиться с мнением Д. Т. Кулиева в универсальности, динамичности и всеохватывающем характере шариата как системы общественного регулирования [8, с. 23]. Однако, таковой характер она, безусловно, имеет в соответствующих исламских государствах, а также в среде верующих граждан, придерживающихся канонов ислама.

С точки же зрения законодателя светского государства, который обязан ориентироваться в первую очередь на светские основы государства и права, шариат не может рассматриваться как всеохватывающая система. Здесь значение скорее имеют нормы и идеи, в целом относящиеся к регулированию отдельных сфер общественных отношений, например, экономики. Данное мнение базируется на том, что в основе светского государства все-таки лежит именно светское право. Что же касается религиозных норм в целом, в том числе и шариатских, то они заимствуются в определённой степени фрагментарно, в тех пределах, в коих не вступают в противоречие с положениями светского права.

Здесь, однако, нельзя игнорировать тот факт, что шариат, даже будучи заимствованным фрагментарно в рамках светской правовой системы, включает в себя три составляющих, а именно:

- религиозную догматику;
- этику;
- нормы практического характера [8, с. 23].

И в этой связи одно от другого неотделимо. Иными словами, если в рамках светской правовой системы заимствуются те или иные практические нормы, то принципиально важно учитывать их религиозную основу и этическую составляющую, которые важны, даже если соответствующие нормы формально не будут закреплены в источнике светского права, заимствующем идеи шариата.

В решении вопросов, связанных с применением шариата в реалиях светской правовой системы важно придерживаться максимально возможной конкретности при избрании тех или иных идей для заимствования. По этой причине, например, такие характеристики шариата, как идеальность его как модели (ориентира) для мусульманина, стержневое значение для ислама [11, с. 38], особой роли не играют с точки зрения применения в светском праве. Ведь если говорить о применении тех или иных идей в рамках правовой системы, то они, так или иначе, должны быть формализованы; более того, распространяться не только на мусульман, но и на иных лиц, выступающих в качестве субъектов соответствующих правоотношений.

В то же время факт признания шариата «надлежащим путём» [11, с. 38], ориентиром в жизни мусульманина, признание данного источника в исламской среде как божественного начала, может стать дополнительным аргументом для положительного решения вопроса о внедрение шариата в светскую правовую систему.

Некоторые идеи, содержащиеся в шариате, особенно ценны с точки зрения возможностей их заимствования в современном светском государстве, в том числе и в сфере экономических правоотношений. Им характерно наличие ряда запретов (ограничений) на использование инструментов, считающихся традиционными для западной экономики:

- рибха (начисление ссудного процента, например, по договорам о займе);
- гарар (совершение сделок, в основе которых лежит риск и неопределенность, в частности, продажа товара, де-факто отсутствующего у продавца);
- майсир (совершение сделок, ориентированных на удачу или спекуляции) [7, с. 35].

То есть изъятие из экономических отношений указанных инструментов делает соответствующие отношения более предсказуемыми, что, конечно же, нельзя не расценивать положительно с точки зрения минимизации рисков,

причём как финансовых, так и правовых, связанных с потенциальной возможностью неисполнения принятых на себя обязательств. С другой стороны, отказ от указанных инструментов вовсе не означает полное исключение рисков. Также это не означает исключение и прочих, естественных для экономики явлений, в том числе принципа возмездности в рамках отношений займа денежных средств. То есть применение норм шариата не влечет принципиального изменения природы экономических правоотношений.

С. Н. Бизюков существующие в случае применения норм шариата запреты в сфере экономических отношений характеризует как главные факторы, исходя из которых решается вопрос о действительности или недействительности сделки. Также указанные запреты определяют границы применительно к совершению финансовых операций, которые ни в коем случае нельзя переступить. При этом в качестве ключевого запрета указанном автором отмечается рибха (ссудный процент): отказ от данного инструмента присущ всем исламским банкам и в целом системе исламского банкинга [7, с. 35].

С учётом изложенного появляется возможность сделать вывод о том, что такой религиозный феномен, как шариат, содержит в себе вполне конкретные принципы экономических правоотношений, отличающиеся логичностью, прагматичностью, нацеленностью на минимизацию рисков и разного рода негативных экономических явлений, пригодные для заимствования в условиях светской правовой системы современного государства.

В рамках изложенного выше нет цели обосновать какие-либо преимущества шариатских принципов экономики и права. Главная цель в данном случае видится в обосновании возможности заимствования соответствующих принципов светской правовой системой современного государства, причем без ущерба для ее развития в светском русле, что важно особенно.

И здесь нельзя не упомянуть о потенциально возможной конкуренции светских (юридических) и религиозных (шариатских) регуляторов. В таком

случае приоритет должен отдаваться именно светским инструментам регулирования, на что указывает, например, проф. Л. Р. Сюкияйнен [10, с. 18].

Возможность конкуренции норм шариата и норм светского права в рамках правовой системы может быть исключена полностью либо сведена к минимуму благодаря наличию различных вариантов их взаимодействия друг с другом.

Среди форм такого взаимодействия выделяются:

- непосредственное включение шариатских норм и институтов в светское законодательство;

- обращение к отдельным положениям шариата в случае применения диспозитивных норм светского права, позволяющих делать выбор на своё усмотрение в определённых законом рамках;

- общая ссылка на определённые принципы, традиции, имеющие исторические корни, к которым относятся и идеи, содержащиеся в шариате [10, с. 20–25].

Достаточно интересным является и вариант не применения шариата вообще, а заимствование норм исламского права в рамках светской правовой системы, причём не в целом, а именно относительно отдельных элементов. Возможности для этого обусловлены тем, что отдельные принципы и нормы, используемые в рамках исламского права, с одной стороны, напрямую не связаны с религией, хотя к религиозным и могут быть отнесены [10, с. 21]. Изложенное относится в том числе и к так называемым принципам исламского банкинга, в частности, к запрету начисления ссудного процента, ведь в их основе лежат именно идеи, представленные в шариате. С другой стороны, если в нормах светского права не указывать непосредственно на религиозные происхождение соответствующих принципов, то они могут расцениваться и как светские. В этом случае не ставится под сомнение светский характер права и в то же время соответствующие принципы могут декларироваться как отвечающие канонам ислама и шариата в частности, что важно для лиц, придерживающихся их.

В этой связи достаточно заслуживающим особого внимания представляется российский опыт применения принципов шариата в нормах законодательства, договорной и судебной практики. Так, 4 августа 2023 года был принят Федеральный закон № 417-ФЗ в рамках эксперимента, проводимого на территории отдельных регионов в части регулирования сделок по партнёрскому финансированию, исключающих вознаграждение в виде процентной ставки [2]. Это именно тот случай, когда исключено начисление процентов, исходя из норм шариата, в то же время в указанном Федеральном законе не упоминается ни о шариате, ни об исламе, ни о каких-то иных религиозных нормах, институтах, принципах. В этом смысле он в полной мере является светским. С другой стороны, он отражает в полной мере развиваемый в России принцип исламского банкинга, базирующийся на шариате в целом и запрете начисления процентов в частности.

Примечательно, что в рамках применения указанного Федерального закона ПАО «Сбербанк» разработало ряд продуктов, основанных на принципах шариата и исламского банкинга. Среди таких продуктов особо выделяется «Ипотека Мурабаха» [5], суть которой выражается в том, что с одной стороны, на используемые средства банк не начисляется проценты; с другой стороны, сохраняется принцип возмездности сделки, свойственный кредитным отношениям, поскольку займодавец вместо процентов получает выгоду в результате наценки на приобретаемый на заёмные средства объект.

Следует сказать и о таком феномене, как продукция и услуги халяль, на которые даже был разработан и принят ГОСТ Р 70405-2022. Данный документ содержит раздел «теологические термины и определения», где раскрывая понятие «мубах» как допустимое деяние, не запрещенное шариатом [3].

Надо отметить и наличие случаев упоминания о шариате и основанном на нём исламском банкинге в российской судебной практике при рассмотрении гражданских и арбитражных дел, когда, например, сторона ссылается на определённый договором запрет начисления процентов, обусловленный

законами шариата (договор мурабаха) [4]. В подобных случаях, несмотря на упоминание исламских правовых понятий, носящих именно религиозный характер, суть сводится к применению конкретных юридических норм, нашедших отражение в светском законодательстве. Это означает, что какие-либо фрагментарные случаи внедрения в правовую систему и применения в ее рамках принципов и правил, пусть и имеющих религиозных корни, не сказываются на светском характере правовой системы и светском характере конкретных общественных правоотношений, в том числе и экономических правоотношений.

Заключение

Проведённый анализ показал, что применение шариата в реалиях правовой системы светского государства может быть допустимым при определённых условиях: фрагментарность заимствования принципов, правил, норм шариата в рамках светской системы; отсутствие каких-либо противоречий между светскими и шариатскими нормами и применительно к регулированию конкретных правоотношений; сохранение приоритетной силы светского права.

Применение шариата в условиях светской правовой системы должно основываться на источниках светского права, обеспечивать максимально возможное абстрагирование от регламентации светским правом религиозных нюансов и сосредоточение на конкретных формальных правилах, которые вписываются в светские представления о праве и общественных правоотношениях.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 2020. 4 июл.
2. Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в

отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».

3. ГОСТ Р 70405-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Продукция и услуги халяль. Общие термины и определения. М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2023.

4. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.06.2023 № 15АП-7438/2023, 15АП-7439/2023 по делу № А53-14262/2021 // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».

5. Продукт «Ипотека Мурабаха», соответствующий нормам шариата. Официальная фетва. Дата: 31.01.2024 // Официальный сайт ПАО Сбербанк. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/ipoteka_fetva.pdf (дата обращения: 29.06.2025).

6. Антонов Б. А. Правовая система ислама: конфликтный «союз» интерпретаций понятия «шариат» // Теория государства и права. 2022. № 4(29). С. 73–86.

7. Бизюков С. Н. Юридические уловки в исламском праве: путь от Средневековья до XXI века // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 31–54.

8. Кулиев Д. Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. Т. 11, № 1(43). С. 13–25.

9. Муромцев Г. И. Мусульманское право в контексте правогенеза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 80–106.

10. Сюкияйнен Л. Р. Совместим ли шариат с современным российским правом? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 4–30.

11. Товсултанов С. А. Проблемы в понимании мусульманского права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 37–42.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 2020. 4 iyul.
2. Federal`ny`j zakon ot 04.08.2023 № 417-FZ «O provedenii e`ksperimenta po ustanovleniyu special`nogo regulirovaniya v celyax sozdaniya neobxodimy`x uslovij dlya osushhestvleniya deyatel`nosti po partnerskomu finansirovaniyu v otdel`ny`x sub``ektax Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
3. GOST R 70405-2022. Nacional`ny`j standart Rossijskoj Federacii. Produkcija i usluga xalyal`. Obshhie terminy` i opredeleniya. M.: FGBU «Institut standartizacii», 2023.
4. Postanovlenie Pyatnadczatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 15.06.2023 № 15AP-7438/2023, 15AP-7439/2023 po delu № A53-14262/2021 // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
5. Produkt «Ipoteka Murabaxa», sootvetstvuyushhij normam shariata. Oficial`naya fetva. Data: 31.01.2024 // Oficial`ny`j sayt PAO Sberbank. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/ipoteka_fetva.pdf (data obrashheniya: 29.06.2025).
6. Antonov B. A. Pravovaya sistema islama: konfliktny`j «soyuz» interpretacij ponyatiya «shariat» // Teoriya gosudarstva i prava. 2022. № 4(29). S. 73–86.
7. Bizyukov S. N. Yuridicheskie ulovki v islamskom prave: put` ot Crednevekov`ya do XXI veka // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2014. № 3. S. 31–54.
8. Kuliev D. T. Shariat i fikx: ponyatie, istochniki i sootnoshenie // Islamovedenie. 2020. T. 11, № 1(43). S. 13–25.
9. Muromcev G. I. Musul`manskoe pravo v kontekste pravogeneza // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2021. № 1. S. 80–106.

10. Syukiyajnen L. R. Sovmestim li shariat s sovremenny`m rossijskim pravom? // *Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki*. 2014. № 3. S. 4–30.
11. Tovsultanov S. A. Problemy` v ponimanii musul`manskogo prava // *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*. 2016. № 4. S. 37–42.

Научная статья

УДК 340

РОЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРОБЕЛОВ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Стикл Бен, Ph.D., доцент управления уголовного правосудия, Университет штата Средний Теннесси, Мерфрисборо, Теннесси, США, bstickletn_42@gmail.com

Аннотация

Целями статьи являются уточнение сущности и переосмысление правовой роли законодательных пробелов. Автором раскрывается сущность механизма правового регулирования как сферы, в пределах которой существуют законодательные пробелы; отмечается философско-правовой аспект пробелов, их объективно-субъективный характер и отсутствием в правовом массиве формального правила как конкретное проявление пробела. Подчеркивается преобладающий в российской правовой науке сугубо негативный контекст оценки законодательного пробела, в рамках которого данное явление характеризуется, в том числе, как ошибка законодателя или как законотворческая форма нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, с чем автор статьи категорически не согласен. Делается акцент на возможности рассмотрения законодательного пробела в позитивном ключе, как квалифицированного молчания, то есть целенаправленного отказа от регулирования, что автор расценивает как предоставление максимально широкой свободы, несущей повышенные риски, но в некоторых случаях, более важной для развития определенных сфер жизни общества. Формулируя выводы, автор указывает на отсутствие оснований для утверждения о том, является ли законодательный пробел однозначно негативным или однозначно позитивным явлением, а также высказывает мнение неоднозначности эффекта пробела для разных субъектов правоотношений.

Ключевые слова: дефект правового регулирования, диспозитивное регулирование, законодательный пробел, механизм правового регулирования, правовая неопределенность, правовое регулирование, правовой пробел

Статья поступила в редакцию 28.05.2025, одобрена после рецензирования 10.07.2025, принята к публикации 03.11.2025.

Original article

THE ROLE OF LEGISLATIVE GAPS IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

**Ben Stickle, Ph.D., Associate Professor (Criminal Justice Administration),
Middle Tennessee State University, Murfreesboro, Tennessee, USA**

Abstract

The purpose of the article is to clarify the essence and rethink the legal role of legislative gaps. The author reveals the essence of the mechanism of legal regulation as a sphere within which there are legislative gaps; the philosophical and legal aspect of the gaps, their objective and subjective nature and the absence of a formal rule in the legal array as a specific manifestation of the gap are noted. The author emphasizes the prevailing negative context in Russian legal science for assessing the legislative gap, in which this phenomenon is characterized, among other things, as a mistake by a legislator or as a law-making form of violation of constitutional human and civil rights and freedoms, which the author strongly disagrees with. Emphasis is placed on the possibility of considering the legislative gap in a positive way, as qualified silence, that is, purposeful rejection of regulation, which the author regards as providing the widest possible freedom, carrying increased risks, but in some cases, more important for the development of certain areas of society. In formulating the conclusions, the author points out that there are no grounds for asserting whether the legislative gap is an

unambiguously negative or unambiguously positive phenomenon, and also expresses the opinion that the gap effect is ambiguous for different subjects of legal relations.

Keywords: defect of legal regulation, dispositive regulation, legislative gap, mechanism of legal regulation, legal uncertainty, legal regulation, legal gap

Введение

Существующие в законодательном регулировании пробелы традиционно принято рассматривать в сугубо негативном ключе, как некие дефекты правовой системы и правового регулирования, к устранению которых следует неуклонно стремиться. Позитивный же аспект законодательных пробелов, как правило, не затрагивается в научном дискурсе, что не вполне справедливо, если учесть те возможности, которые возникают у субъектов правоотношений в связи с отсутствием нормативного регулирования определенных аспектов. Поэтому одной из целей настоящей статьи является восстановление этой справедливости и переосмысление правовой роли законодательных пробелов. Другой целью статьи выступает уточнение сущности пробела, чему не уделил внимание российский законодатель, несмотря на употребление этого термина во многих официальных документах.

Основная часть

Механизм правового регулирования как сфера, в пределах которой существуют законодательные пробелы, необходимо рассмотреть в первую очередь. В научной литературе встречаются разные определения этого понятия. Одно из них, пользующееся достаточной популярностью, дал советский юрист С. С. Алексеев, предложивший определять данный механизм как «взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения» [1, с. 30]. Такой взгляд на указанный механизм даёт возможность причислять к нему множество разнообразных элементов, прямо или косвенно причастных к юридической регламентации общественных отношений. Исходя из такого

подхода и многие проблемы становится возможно рассматривать именно в юридическом контексте, как часть соответствующего механизма.

По мнению Ю. Э. Ибрагимовой, вкладываемый в понимание механизма правового регулирования смысл не вызывает серьёзных дискуссий в современной юридической науке [3, с. 18–19], с чем есть все основания согласиться. И автор настоящей статьи исходит именно из этого видения механизма правового регулирования.

Отсюда следует вывод, что пробел законодательном (правовом) регулировании есть и неотъемлемый компонент механизма правового регулирования. Его естественный характер, как полагает автор, обусловливается фактической невозможностью в реальном мире урегулировать во всевозможных нюансах все многообразие существующих и потенциально возможных общественных отношений на данный момент. Поэтому проблема пробелов может рассматриваться и как одна из фундаментальных проблем, по крайней мере с позиций современной юридической науки и современного законодательства, независимо от того, право какого государства подразумевается.

Несмотря на естественность и фундаментальность категории «законодательный пробел», как в науке, так и в действующем российском законодательстве пока не сформировалось единообразного понимания данного феномена. Более того, и общепринятого подхода к употреблению соответствующей терминологии тоже нет, а потому параллельно с понятием «законодательный пробел» могут использоваться и такие понятия, как «правовой пробел», «пробел в правовом регулировании», «пробел в нормативном регулировании», «пробел в нормативно-правовом регулировании» и т.д. Но если абстрагироваться от нюансов понимания терминов «законодательство», «право», «нормативно-правовое регулирование» и т.п., то все перечисленные варианты формулировок понятия «пробел» можно рассматривать как характеризующие одну общую и довольно обширную проблему или сферу. То есть принципиальных различий, например, между законодательным и правовым

пробелами, автор не усматривает, поскольку при упоминании пробела в качестве сферы его проявления подразумевается механизм правового регулирования.

Если сферу проявления законодательных пробелов рассматривать более предметно, становится очевидно существование пробелов именно в рамках позитивного права, в конкретных законодательных актах, на что указывает Ю. Э. Ибрагимова, характеризующая пробел как отсутствие законодательной нормы, подлежащей применению, либо как наличие неопределенности в норме, результатом чего становится снижение качества закона [3, с. 10]. Такое видение пробела отражает его негативный аспект. И если руководствоваться этим взглядом, то невозможно усмотреть каких-либо положительных качеств, которые могут иметь место при наличии пробела. Такой подход, сопряжённый с сугубо негативной оценкой пробела, в целом присущ большинству российских исследователей.

Характеризующие правовой пробел как философско-правовую категорию А. В. Скоробогатов и А. В. Краснов, называют это объективно-субъективным явлением, существование которого обусловлено отсутствием в правовом массиве формального правила, регулирующего определенное общественное отношение, которое подлежит правовой регламентации [7, с. 79].

В этом определении раскрываются нюансы пробела более последовательно и стоит высоко оценить выделение объективно-субъективного характера данного явления, потому как с одной стороны он обуславливается субъективным взглядом и законодателя, который не считает необходимым регламентировать тот или иной аспект правоотношений, и правоприменителя, который усматривает недостаточность норм (субъективный аспект); а с другой стороны, пробел существует в рамках конкретного законодательства, которое в определённой степени материализовано, и отсутствие в нем определённой составляющей является очевидным, объективным, как правило, не вызывающим сомнения (объективный аспект).

Тут уместно привести примеры. До некоторого времени в российском законодательстве отсутствовали нормы, которые бы регламентировали оборот криптовалют. В отсутствии соответствующих норм нельзя было усомниться. В этом проявлялась объективность пробела. Субъективная же составляющая состояла в том, что законодатель, ориентируясь на собственные субъективные взгляды, до некоторых пор игнорировал необходимость регулирования вопросов обращения криптовалют.

Глядя на приведённое выше определение, можно задаться вопросом: что же подлежит правовой регламентации? И на этот вопрос вряд ли можно ответить однозначно. Поэтому законодательный пробел трудно трактовать с определенной точностью. И в органах законодательной власти, и в юридической науке не может быть единого взгляда на то, что подлежит правовой регламентации, а что нет. В этом тоже проявляется некоторая субъективность категории «законодательный пробел».

М. А. Костенко, описывая проблематику пробела, расценивает его как правотворческую ошибку [4, с. 118]. Анализируя такой взгляд, можно с ним согласиться лишь отчасти. Безусловно, отдельных случаях пробел может быть определен именно как ошибка законотворцев, но не во всех.

Например, если орган законодательной власти принимает какой-либо закон, призванный урегулировать определённую сферу правоотношений, и в этом законе отсутствуют нормы, регулирующие всем очевидный сегмент реальных отношений (при отсутствии регулирования такого сегмента и в рамках других источников законодательства), то нет сомнений и в наличии ошибки. Так, отсутствие в уголовном законодательстве (независимо от того, законодательство какого государства подразумевается) отсутствует норма об ответственности за совершение убийства, то можно со всей уверенностью заявить о наличии пробела именно как ошибки законодателя. Конечно, в практике законодательного регулирования вряд ли можно представить такую ситуацию, однако указанный

пример, пусть и гипотетический, наиболее наглядно отражает возможность рассмотрение пробела как ошибки, но лишь в отдельных ситуациях.

В то же время во многих случаях наличие законодательного пробела не может рассматриваться как ошибка законодателя. Например, в России, как и во многих других странах, до некоторых пор отсутствовали нормы, призванные урегулировать вопросы обращения криптовалют. Можно ли считать это ошибкой? Вряд ли, поскольку определённая работа в направлении создания регулирующих норм велась, законодатель предпринимал меры, нацеленные на устранение такого правового пробела. Поэтому в указанном случае, несмотря на наличие пробела, вряд ли уместно было говорить о ошибке законодателя: сам пробел, как представляется, существовал в силу объективных обстоятельств (криптовалюты были совершенно новым явлением для не только российской, но и для мировой экономики, поэтому не могли быть урегулированы максимально оперативно, а разработка правовой основы их обращения занимала достаточно длительное время).

Я. К. Чепенко подходит к оценке правовых пробелов еще более радикально, называя их законотворческой формой нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина [8, с. 15]. Такую оценку трудно поддержать, по крайней мере с учётом изложенного выше. Скорее, нарушением можно признать отдельные случаи, имеющие место в правоприменительной практике, когда определённые нормы трактуются чрезмерно узко (ограничительно) или, напротив, широко, в результате чего искажается подлинный смысл, вкладывавшийся законодателем в конкретные нормы, в том числе регулирующие конституционные права, обязанности, ответственность граждан.

Не даёт оснований для однозначной оценки законодательных пробелов и существование такой правовой категории, как «квалифицированное молчание» [3, с. 17], когда законодатель намеренно избегает излишне детального регулирования тех или иных общественных отношений.

В определённых случаях квалифицированное молчание может быть чрезвычайно ценно для развития общественных отношений и целых сфер права, экономики и пр. Так, на первых этапах развития сети «Интернет» практически полностью отсутствовала регламентация возникающих в связи с его развитием общественных отношений, которая условиях отсутствия регулирования весьма динамично развивались. Подобная ситуация имела место и на первых этапах развития интернет-банкинга. Все это получило должную правовую регламентацию лишь в последние годы, когда указанные сферы достигли некоторого весьма высокого уровня развития.

Нельзя предположить, каким был бы уровень развития так называемых социальных сетей и интернет банкинга, если бы уже в первые годы их появления имело место предельно детальное регулирование деятельности разработчиков и пользователей, ведь любое регулирование предполагает не только определение прав, обязанностей, но и ответственности, а это крайне осложняет деятельность в тех сферах, которые ещё не достигли определённого высокого уровня развития.

Таким образом, законодательный пробел может быть рассмотрен и в позитивном ключе, как квалифицированное молчание, то есть целенаправленный отказ от регулирования (игнорирование законодательного пробела). Таким способом государство, имеющее возможность урегулировать те или иные отношения, тем не менее, воздерживаться от этого, предоставляя максимально широкую свободу, реализуя метод диспозитивности. Безусловно, предельно широкая свобода несёт и повышенные риски, но в некоторых случаях реализация потенциальных возможностей правового вакуума более важна, нежели минимизация рисков.

Учитывая наличие позитивной и негативной составляющих законодательных пробелов, особое внимание важно обратить на признаки, к которым относятся:

- нахождение в рамках сферы правового регулирования;
- наличие объективной необходимости правового опосредования;

- отсутствие регулирующей нормы или неполнота существующей нормы [5, с. 22].

Здесь, однако, спорным остаётся вопрос о том, когда же может усматриваться необходимость, ведь если один субъект, например, государство, необходимость в регулировании может усматривать, другие же, например, конкретные граждане, или организации, или целые сообщества субъектов, могут придерживаться иного мнения

К примеру, неурегулированность оборота криптовалют для государства несёт определённые риски и сопряжена с упущением возможности, по крайней мере, в части налогообложения. Для граждан и организаций отсутствие регулирования оборота определённого финансово значимого актива отражает наличие определённых возможностей. Но не исключена и обратная ситуация. Например, пробел в налоговом законодательстве даёт возможность налоговым органам трактовать определённые нормы ограничительно или, напротив, расширительно её в свою пользу. Подобный пробел для налогоплательщиков чреват негативным эффектом.

Тем, тем не менее законодательный пробел в литературе принято характеризовать именно как недостаточность правового регулирования [2, с. 45], без указания конкретных нюансов, для кого это регулирование недостаточно.

Многообразие пробелов [4, с. 121], в том числе обусловленное различиями в причинах их возникновения [6, с. 40], тоже препятствует возможности однозначно оценивать их роль.

Примечательно, что в отечественном правоведении основное внимание акцентируется не на оценке роли законодательных пробелов, а на их выявлении и поиске путей восполнения (устранения) [6, с. 40], что обусловливается негативной оценкой правовой неопределенности как одного из последствий пробелов, коллизионности, и в конечном итоге, дефектности права [8, с. 13–14].

Признавая такой, признавая такие взгляды в целом обоснованные, стоит, однако, отметить немаловажную роль правовых принципов, которые, как

правило, существует во всех отраслях законодательства. Наличие принципов, по мнению отдельных исследователей [7, с. 83], означает наличие прямого правового регулирования. Поэтому недостаточно активное использование принципов в правоприменительной практике не означает, что в определённой сфере отношений присутствует пробел.

Заключение

В своей сущности законодательный пробел есть отсутствие правовых норм или недостаточная детальность существующих норм, что создаёт условия для их неединообразной трактовки и (или) неединообразного применения.

Роль законодательных пробелов в российской юридической науке оценивается преимущественно в негативном ключе, в связи с чем исследователи, уделяющие внимание их анализу, стремятся предложить те или иные решения, призванные пробелы устранить. В то же время позитивный аспект пробелов, как правило, не затрагивается, несмотря на его очевидность.

Учитывая проведенный анализ, нет оснований для утверждения о том, является ли законодательный пробел, как правовое явление, однозначно негативным или однозначно позитивным. Более того, для разных субъектов эффект пробела может быть совершенно различным: один и тот же пробел может быть выгоден одной категории субъектов и невыгоден – другой.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.
2. Горбачева С. В. Теоретические аспекты понятия законодательных пробелов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 39–46.
3. Ибрагимова Ю. Э. Организационно-правовой механизм установления и устранения пробелов в законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 26 с.

4. Костенко М. А. Пробел в праве как разновидность правотворческой ошибки // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 10(87). С. 117–123.
5. Кузнецова Е. В. Выявление законодательных пробелов Конституционным Судом РФ // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2012. № 5. С. 22–27.
6. Любушкин В. А., Челмакина А. А. Проблема пробелов в законодательстве и пути ее устранения // Контентус. 2022. № 4. С. 34–42.
7. Скоробогатов А.В. Краснов А.В. Правовой пробел: феноменологические аспекты // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: мат-лы VI Междунар. науч. конф. Теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ; ИД «Юриспруденция», 2021. С. 77–93.
8. Чепенко Я. К. Правовые пробелы в механизме конституционного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (в свете практики Конституционного суда РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. 26 с.

References

1. Alekseev S. S. Mexanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. M.: Yurid. lit., 1966. 187 s.
2. Gorbacheva S. V. Teoreticheskie aspekty` ponyatiya zakonodatel`ny`x probelov // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 4 (60). S. 39–46.
3. Ibragimova Yu. E`. Organizacionno-pravovoj mexanizm ustanovleniya i ustraneniya probelov v zakonodatel`stve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2021. 26 s.
4. Kostenko M. A. Probel v prave kak raznovidnost` pravotvorcheskoj oshibki // Izvestiya YuFU. Texnicheskie nauki. 2008. № 10(87). S. 117–123.

5. Kuzneczova E. V. Vy`yavlenie zakonodatel`ny`x probelov Konstitucionny`m Sudom RF // E`lektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu. 2012. № 5. S. 22–27.
6. Lyubushkin V. A., Chelmakina A. A. Problema probelov v zakonodatel`stve i puti ee ustraneniya // Kontentus. 2022. № 4. S. 34–42.
7. Skorobogatov A.V. Krasnov A.V. Pravovoj probel: fenomenologicheskie aspekty` // Probely` v pozitivnom prave: doktrina i praktika: mat-ly` VI Mezhdunar. nauch. konf. Teoretikov prava «Probely` v pozitivnom prave: doktrina i praktika» (Moskva, 20–21 fevralya 2020 g.) / Otv. red. N.N. Chernogor. M.: IZiSP pri Pravitel`stve RF; ID «Yurisprudenciya», 2021. S. 77–93.
8. Chepenko Ya. K. Pravovy`e probely` v mexanizme konstitucionnogo obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii (v svete praktiki Konstitucionnogo suda RF): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2017. 26 s.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 347.5

К ПРОБЛЕМЕ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Ларраури Елена, профессор уголовного права и криминологии,
Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания, elenlarrauri.es@mail.ru**

Аннотация

Автор ставит целью статьи разработку предложений по совершенствованию правового механизма компенсации морального вреда на основе изучения научно-теоретической, законодательной и правоприменительной проблематики. Для реализации цели рассматриваются основные положения Гражданского кодекса РФ о компенсации морального вреда – ст.ст. 151 и 1064. В процессе анализа также затрагивается вопрос несоответствия ст. 151 Гражданского кодекса РФ конституционным положениям. Центральная проблема исследования – судебское усмотрение, которым пронизана вся практика решения вопроса о компенсации морального вреда, что обусловлено отсутствием ориентиров в законодательстве. Автор обосновывается необходимость минимизации данного фактора в разрешении споров, для чего рассматриваются разные взгляды на исследуемую проблематику. В обоснование проблемы приводятся позиции некоторых авторов о чрезмерных различиях между минимальными и максимальными размерами компенсации морального вреда, а также неудовлетворённость подавляющей части истцов вынесенными судебными решениями в части назначения размеров компенсации морального вреда. При этом автор признает невозможность по объективным причинам точно оценить степень физических и нравственных страданий, поскольку таковые не поддаются однозначной оценке. Автор приходит к выводу о том, что для решения проблемы нужно исследование зарубежного опыта, а также ориентация

на максимальные суммы компенсаций, которые присуждались российскими судами. Исходя из этого, необходимо разработать систему критериев, которую закрепить нормативно. Причём такие критерии должны в первую очередь касаться случаев причинения смерти, а также вреда здоровью, в особенности тяжкого вреда.

Ключевые слова: Гражданский кодекс Российской Федерации, достоинство личности, компенсация морального вреда, Конституция Российской Федерации, моральный вред, нематериальные блага, принцип разумности, принцип справедливости, размер компенсации морального вреда

Статья поступила в редакцию 14.06.2025, одобрена после рецензирования 11.08.2025, принята к публикации 03.11.2025.

Original article

ON THE PROBLEM OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN THE RUSSIAN FEDERATION

**Elena Larrauri, Professor of Criminal Law and Criminology, Pompeu Fabra
University, Barcelona, Spain**

Abstract

The purpose of the article is to develop proposals for improving the legal mechanism for compensation for moral damage based on the study of scientific, theoretical, legislative and law enforcement issues. To achieve this goal, the main provisions of the Civil Code of the Russian Federation on compensation for moral damage are considered – Articles 151 and 1064. The analysis also raises the issue of inconsistency of Article 151 of the Civil Code of the Russian Federation with constitutional provisions. The central problem of the study is judicial discretion, which permeates the entire practice of resolving the issue of compensation for moral damage, due to the lack of guidance in legislation. The author substantiates the need to minimize this factor in

dispute resolution, for which different views on the issues under study are considered. The problem is substantiated by the positions of some authors on the excessive differences between the minimum and maximum amounts of compensation for moral damage, as well as the dissatisfaction of the vast majority of plaintiffs with the court decisions regarding the allocation of amounts of compensation for moral damage. At the same time, the author recognizes the impossibility, for objective reasons, to accurately assess the degree of physical and moral suffering, since such sufferings cannot be unequivocally assessed. The author comes to the conclusion that in order to solve the problem, it is necessary to study foreign experience, as well as focus on the maximum amounts of compensation awarded by Russian courts. Based on this, it is necessary to develop a system of criteria that should be fixed normatively. Moreover, such criteria should primarily relate to cases of death, as well as harm to health, especially serious harm.

Keywords: The Civil Code of the Russian Federation, the dignity of the individual, compensation for moral harm, the Constitution of the Russian Federation, moral harm, intangible benefits, the principle of reasonableness, the principle of justice, the amount of compensation for moral harm

Введение

Цель статьи заключается в разработке предложений по совершенствованию правового механизма компенсации морального вреда на основе изучения научно-теоретической, законодательной и правоприменительной проблематики.

Обращение к этой теме подиктовано рядом причин.

Нематериальные блага находятся под защитой государства, о чем говорится, прежде всего, в нормах Основного Закона страны – Конституции Российской Федерации [1]. Например, ст. 21 декларирует охрану государством достоинства личности; ст. 75.1 также предусматривает защиту достоинства граждан и уважение человека труда. Помимо того, положения б нематериальных

благах содержатся и в иных нормах Конституции. Более детально же вопросы охраны нематериальных благ раскрываются в нормах гражданского законодательства, предусматривающего в качестве одного из главных инструментов такой охраны компенсацию морального вреда.

Но в практическом аспекте реализация соответствующих норм остаётся крайне сложной задачей ввиду неоднозначности самого феномена морального вреда и критериев его оценки. В этой связи актуализируется в целом вопрос компенсации морального вреда, а также отдельные нюансы решения этого вопроса, которые на практике, которые вызывают много споров и в среде учёных, и в среде практикующих юристов, адвокатов.

Основная часть

Базовые положения о компенсации морального вреда содержатся в ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть I) [2] (ГК РФ). В указанной норме моральный вред трактуется как физические либо нравственные страдания, нарушающие личные неимущественные права гражданина или посягающие на принадлежащие ему нематериальные блага. И в случае причинения такого вреда, в также в иных случаях, предусмотренных законом, суд может обязать ответчика в выплате компенсации морального вреда.

Той же нормой выделен ряд критериев, с позиции которых суд принимает решение о компенсации морального вреда. К таким критериям относятся:

- 1) вина нарушителя;
- 2) иные обстоятельства, заслуживающие внимания;
- 3) степень нравственных страданий, обусловленная индивидуальными особенностями гражданина.

Правовые основания компенсации морального вреда детализируются в ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть II) [3] (ГК РФ). И надо сказать, что указанная норма вполне конкретно описывает такие основания. Вместе с тем, она не устраняет ряд спорных вопросов, возникающих при рассмотрении дел о компенсации морального вреда. Это обуславливается

отсутствием в данной и других нормах положений, которые бы детализировали порядок определения суммы, которая подлежит выплате в качестве компенсации морального вреда, на что это указывают, например, С. В. Мельник и Т. С. Демичева [7, с. 95].

Нельзя не обратить внимание также на то, что ч. 1 ст. 151 ГК РФ в 2021 г. была предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации (КС РФ), в результате чего своим постановлением КС РФ признал указанную норму не соответствующей ряду конституционных положений в том смысле, в каком она «служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных нематериальных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага» [4].

Суть такого вывода КС РФ заключается в том, что даже при наличии причинённого имущественного вреда гражданин вправе рассчитывать также и на компенсацию морального вреда, если наличие последнего он сможет доказать. И сам факт причинения имущественного вреда не исключает, что имел место и вред моральный. Такой подход нам представляется вполне оправданным.

Указанный случай свидетельствует о том, что многие вопросы, касающиеся разрешения споров по поводу морального компенсации морального вреда, российский законодатель оставляет на усмотрение судов, на это обращается внимание и в литературе. Так, Е. В. Брянская, анализируя сложившуюся судебную практику, подчёркивает оценочный характер гражданско-правового института компенсации морального вреда, в связи с чем решение вопросов об определении размера компенсации отдаётся полностью на судейское усмотрение и обуславливается внутренним убеждением суда. В этой

связи она говорит о необходимости обоснования судебного усмотрения, то есть объяснение причины и доводов судом, по которым принято то или иное решение. В этой связи также данным автором отмечаются нередкие случаи причинения гражданскому истцу вторичного морального вреда самим фактом существенного занижения запрашиваемой суммы [5, с. 96–97]. С таким мнением представляется возможным согласиться, поскольку существенно занижая характер вреда, суд тем самым обесценивает значимость страданий для гражданина.

Надо сказать, что Е. В. Брянская изучила 600 дела в судах г. Иркутска и Иркутской области, и исходя из этого сделала вывод об отсутствии обоснований в решениях судов размеров присуждённых сумм компенсации морального вреда. Такую проблему она объясняет пробелами в действующем законодательстве [5, с. 97]. И такой вывод представляется вполне обоснованным, поскольку ГК РФ действительно не содержит каких-либо конкретных критериев, на основе которых можно было бы принимать более или менее однозначные решения касательно размера компенсации морального вреда.

В связи с этим вызывает и сомнение то, судами за пределами указанного региона всегда исследуются все доводы сторон, в то время, как это важнейшее условие для принятия справедливого решения.

Вместе с тем в литературе подчёркивается особая важность исследования судом всех обстоятельств дела в полном объёме [10, с. 34]. Думается, что именно так и должно быть, однако на сегодняшний день это остаётся лишь неким идеалом, желаемым ориентиром, но ни в коем случае не объективной действительностью.

Е. В. Брянской так же было проведено анкетирование среди потерпевших, иных истцов, обратившихся в суд с исками о компенсации морального вреда, в результате чего было выяснено, что около 80% истцов расценивали решение суда как несправедливое ввиду снижения размера присужденной компенсации морального вреда [5, с. 97]. Конечно, вряд ли все истцы могут быть

удовлетворены принятыми в отношении их требований решениями, однако. показатель 80% говорит о многом. Он представляется чрезмерно высоким.

В этой связи представляется возможным согласиться с С. В. Мельником и Т. С. Демичевой в том, что какой-либо единый ориентир человеческих страданий существует, а также с тем, что суд, прежде всего, должен ориентироваться на требования законодательства, нежели на собственное внутреннее усмотрение [7, с. 97]. Однако для этого должны быть определённые нормативные закреплённые ориентиры, а таковые в настоящее время отсутствуют, что свидетельствует о наличии нормативно-правового пробела. И в этом вряд ли можно сомневаться. И. Н. Пустовалова в соавторстве с И. А. Валеевой в этой связи указывают на то, что категории «физические страдания» и «нравственные страдания» носят оценочный характер, в связи с чем требуют разъяснений [9]. В данном случае нет цели конкретизировать указанные критерии оценки морального вреда. Но и самого факта наличия указанных понятий без надлежащей нормативной трактовки позволяет сделать вывод о необходимости работы законодателя в данном направлении.

Многие исследователи, обращая внимание на данную проблему, предлагают различные варианты решения. К примеру. А. М. Эрделевским высказана идея о разработке методики для оценки размера компенсации морального вреда. В этих целях он предлагает определить конкретные размеры компенсации на основании определённых категорий нарушений [13, с. 62].

Идея А. М. Эрделевского представляется достаточно интересной и заслуживающей внимания законодателя. Вместе с тем стоит учитывать, что привязка к конкретным суммам может повлечь, во-первых, формализм при рассмотрении дел о компенсации морального вреда; во-вторых, необходимость периодической индексации с учётом уровня инфляции. В этой связи с определённой периодичностью будет необходимо индексировать соответствующие ориентиры; в случае же, когда законодатель по тем или иным причинам не предпримет мер по индексации, возникнут новые проблемы.

Сам вопрос определения конкретных денежных сумм применительно к тем или иным типичным случаям компенсации тоже не может не вызывать дискуссий. И сейчас не совсем понятно, какие именно размеры сумм брать в качестве ориентиров. Если ранее можно было ориентироваться, например, на решения, принимаемые Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ), то в настоящее время это представляется невозможным ввиду того, что Россия уже не находится под его юрисдикцией.

Следует сказать, что проблематика определения ориентиров для компенсации морального вреда во многом носит объективный характер: те процессы и изменения, которые имеют место в сознании потерпевшего, страдающего от морального вреда, обуславливаются спецификой его личной психики и объективно не могут быть оценены [8, с. 60].

Поэтому как в целом применительно к типичным случаям причинения вреда, так и в отношении каждого конкретного случая невозможно точно установить степень и характер страданий. Одно и то же оскорбление выражение оскорбительного содержания каждый человек воспримет по-разному: одни могут проигнорировать такого рода факт, другие же, напротив, проигнорировать его не смогут, придут ему большое значение.

Более того, нельзя исключать и тех случаев, когда тот или иной гражданин, в расчёте на получение компенсации в большем размере, может преувеличивать собственные страдания, давая соответствующие показания в суде. И данный аспект тоже препятствует однозначной оценке морального вреда.

На эту проблему указывают и другие авторы, в частности, Л. В. Канунникова и Е. Ю. Хлудов, пишущие о трудностях приведения доказательств, отражающих степень нравственных и физических страданий. Помимо того, с определёнными трудностями сталкивается и ответчик, который не может привести убедительные доводы о необоснованности имущественной оценки морального вреда [6, с. 30].

И. А. Фаст, говоря о компенсации морального вреда, обращает внимание на ряд весьма значимых проблем. Причём главную проблему он видит в отсутствии общепринятых единых ориентиров компенсации [11, с. 61]. Соглашаясь с данным выводом, нельзя не отметить ещё раз трудности разработки таких ориентиров. И совершенно очевидно, что даже когда таковые ориентиры будут разработаны и приняты, они вызовут массу вопросов и у исследователей, и у практикующих юристов.

Отсутствие единого ориентира приводит к колоссальному разрыву между назначаемыми суммами компенсационных выплат. Так, И. А. Фаст на основе изученной судебной практики компенсации морального вреда применительно к случаям со смертельным исходом, когда истцами (получателями компенсации) выступали родственники, пишет, что минимальная сумма компенсации составила 5 000 руб., максимальная – 8 500 000 руб. То есть максимальное отклонение – в 1 700 раз! В случаях причинения тяжкого вреда здоровью минимальный размер компенсации морального вреда составил 1 000 руб., максимальный – 3 126 800 руб., что тоже весьма существенно [11, с. 66].

Так же И. А. Фаст указывает на чрезмерно низкий средний медианный размер компенсации, особенно если учитывать минимальный размер оплаты труда и прожиточного минимума, определяющие «стоимость» человеческой жизни [11, с. 68]. И хотя указанные выводы сделаны исходя из данных 2017 г., не приходится говорить о кардинальном изменении ситуации и в 2024 г.

В итоге И. А. Фаст предлагает в качестве ориентиров использовать прожиточный минимум, а также понятие «стоимость жизни», которые нередко употребляется в практике Верховного Суда РФ в разъяснениях по соответствующим вопросам, связанным с причинением вреда жизни и здоровью человека [11, с. 75].

Также в литературе высказываются и другие идеи, в частности предлагается использование статистических данных и вычисление среднего размера компенсации на основе средних значений, по результатам уже

рассмотренных ранее дел [12, с. 200]. Но использование такого подхода означало бы принятие за ориентир чрезмерно низких размеров компенсаций, что представляется ошибочным.

Заключение

Нормы гражданского законодательства, предусматривающие порядок компенсации морального вреда, требуют пересмотра, причём скорейшего. Сложившаяся судебная практика отличается крайней неоднозначностью, и именно в целях её упорядочения, в целях выработки единообразия необходим ряд законодательных мер.

Следует разработать систему критериев определения размеров компенсации морального вреда. Думается, что в этих целях важно изучить зарубежный опыт, преимущественно тех стран, которые наиболее сильны в плане экономического развития, в том числе опыт и стран, которые в настоящее время признаются недружественными.

Возможно, следует взять за ориентир суммы, которые уже присуждались российскими судами и расценивались в юридическом сообществе как достаточно высокие. Такой подход к регулированию вопросов возмещения морального вреда особенно важен в тех в тех случаях, когда речь идёт о причинении смерти, также тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 нояб. 1994 г. (с изм. и доп. от 14 апр. 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. ст. 3301; 2023. № 16. ст. 2758.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 1995 г. (с изм. и доп. от 1 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. ст. 410; 2021. № 27 (ч. I). ст. 5123.
4. По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 26 окт. 2021 г. № 45-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 45. ст. 7615.
5. Брянская Е. В. Проблемы справедливости компенсации морального вреда в судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1(54). С. 96–102.
6. Канунникова Л. В., Хлудов Е. Ю. Правовая неопределенность факта причинения морального вреда в гражданском судопроизводстве // Российский судья. 2017. № 3. С. 28–32.
7. Мельник С. В., Демичева Т. С. Критерии разумности и справедливости при определении размера компенсации морального вреда // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 94–97.
8. Надтачаев П. В., Мельник С. В. Нравственные основы компенсации морального вреда // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 2(80). С. 57–62.
9. Пустовалова И. Н., Валеева И. А. Современные подходы к методике определения размера компенсации морального вреда // Век качества. 2021. № 3. С. 189–201.
10. Терещенко А. В. Компенсация морального вреда // Закон и жизнь. 2018. Т. 2, № 4. С. 30–36.
11. Фаст И. А. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги 25 лет существования института в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2018. № 5(36). С. 58–75.

12. Шаяхметова Л. Р., Никифорова А. М. Некоторые проблемы определения размера компенсаций морального вреда // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2-2(41). С. 197-200.
13. Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания: Научно-практическое пособие. М.: БЕК, 1997. 173 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast` pervaya ot 30 noyab. 1994 g. № 51-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 21 noyab. 1994 g. (s izm. i dop. ot 14 apr. 2023 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 1994. № 32. st. 3301; 2023. № 16. st. 2758.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast` vtoraya ot 26 yanv. 1996 g. № 14-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 dek. 1995 g. (s izm. i dop. ot 1 iyul. 2021 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 1996. № 5. st. 410; 2021. № 27 (ch. I). st. 5123.
4. Po delu o proverke konstitucionnosti stat`i 151 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina S.F. Shilovskogo : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 26 okt. 2021 g. № 45-P // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 2021. № 45. st. 7615.
5. Bryanskaya E. V. Problemy` spravedlivosti kompensacii moral`nogo vreda v sudoproizvodstve Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. 2022. № 1(54). S. 96–102.
6. Kanunnikova L. V., Xludov E. Yu. Pravovaya neopredelennost` fakta prichineniya moral`nogo vreda v grazhdanskom sudoproizvodstve // Rossijskij sud`ya. 2017. № 3. S. 28–32.

7. Mel`nik S. V., Demicheva T. S. Kriterii razumnosti i spravedlivosti pri opredelenii razmera kompensacii moral`nogo vreda // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 5. S. 94–97.
8. Nadtachaev P. V., Mel`nik S. V. Nravstvenny`e osnovy` kompensacii moral`nogo vreda // Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 2(80). S. 57–62.
9. Pustovalova I. N., Valeeva I. A. Sovremenny`e podxody` k metodike opredeleniya razmera kompensacii moral`nogo vreda // Vek kachestva. 2021. № 3. S. 189–201.
10. Tereshhenko A. V. Kompensaciya moral`nogo vreda // Zakon i zhizn`. 2018. T. 2, № 4. S. 30–36.
11. Fast I. A. Kompensaciya moral`nogo vreda pri prichinenii vreda zhizni i zdorov`yu: prakticheskie itogi 25 let sushhestvovaniya instituta v Rossijskoj Federacii // Evrazijskaya advokatura. 2018. № 5(36). S. 58–75.
12. Shayaxmetova L. R., Nikiforova A. M. Nekotory`e problemy` opredeleniya razmera kompensacij moral`nogo vreda // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2020. № 2-2(41). S. 197-200.
13. E`rdelevskij A. M. Moral`ny`j vred i kompensaciya za stradaniya: Nauchno-prakticheskoe posobie. M.: BEK, 1997. 173 c.

Научная статья

УДК 347.41:347.6

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Коккалера Стуги, Ph.D., Университет штата Сэм Хьюстон, Хантсвилл, Техас, США, stutikokk_shsu@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается актуальнейшая тема, связанная с проблематикой алиментных правоотношений, интерес к которой обоснован растущей динамикой взыскиваемых алиментов и наличием трудностей с взысканием алиментов во многих случаях. В статье подчёркивается богатый исторический опыт развития алиментных правоотношений в отечественном праве, их многообразие, учитывая нормы СК РФ, а также наличие механизмов как добровольного, так и принудительного уплаты алиментов. Автором подчеркнута роль алиментных правоотношений в механизмах защиты отцовства, материнства и детства. Представлен в общем виде круг субъектов правоотношений, связанных с уплатой алиментов и некоторые основные черты таких правоотношений. Научная и практическая значимость исследования выражена в анализе и представлении авторской позиции по проблеме обеспечения баланса интересов в рамках алиментных правоотношений. По мнению автора, недостатки семейного законодательства и практики его применения в части обеспечения баланса проявляются, в том числе, в случаях неправомерного назначения алиментов работоспособным гражданам по достижении 18 лет. В качестве вывода автором рекомендовано отказаться от идеи продления срока алиментных обязательств; поддержана идея введения отчётности о расходовании полученных в качестве алиментов средств; предложено введение ответственности за нецелевое расходование средств, полученных в качестве алиментов на детей.

Ключевые слова: алиментные обязательства, алиментные правоотношения, алименты, обязанности супругов, обязательства, ответственность за неуплату алиментов, Семейный кодекс РФ, содержание детей

Статья поступила в редакцию 03.07.2025, одобрена после рецензирования 29.08.2025, принята к публикации 03.11.2025.

Original article

PROBLEMS OF IMPROVING ALIMONY LEGAL RELATIONS

Stuti Kokkalera, Ph.D., Sam Houston State University, Huntsville, Texas, USA

Abstract

The article discusses the most relevant topic related to the problems of alimony legal relations, the interest in which is justified by the growing dynamics of the alimony collected and the difficulties in collecting alimony in many cases. The article highlights the rich historical experience of the development of alimony legal relations in Russian law, their diversity, taking into account the norms of the RF IC, as well as the availability of mechanisms for both voluntary and compulsory payment of alimony. The author emphasizes the role of alimony legal relations in the mechanisms of protection of fatherhood, motherhood and childhood. The range of subjects of legal relations related to the payment of alimony and some of the main features of such legal relations is presented in a general form. The scientific and practical significance of the research is expressed in the analysis and presentation of the author's position on the problem of ensuring a balance of interests within the framework of alimony legal relations. According to the author, the shortcomings of family legislation and its application in terms of ensuring balance are manifested, including in cases of illegal assignment of alimony to able-bodied citizens upon reaching the age of 18. As a conclusion, the author recommended abandoning the idea of extending the term of alimony obligations; supported the idea of introducing reporting on the expenditure of

funds received as alimony; proposed the introduction of liability for misuse of funds received as child support.

Keywords: alimony obligations, alimony legal relations, alimony, duties of spouses, obligations, responsibility for non-payment of alimony, Family Code of the Russian Federation, maintenance of children

Введение

Об актуальности проблемы алиментных правоотношений убедительно свидетельствуют данные, отражающие динамику взыскания судебными приставами алиментов за последние годы. Так, по данным, представленным руководителем Федеральной службой судебных приставов (ФССП) на видеоконференции в Общественной палате, отмечалось, что за 2019 г. органами ФССП было взыскано 17 млрд. руб. в качестве алиментов, в 2020 – 19 млрд. руб., в 2021 – 33 млрд. руб., в 2022 г. – 48 млрд. руб. За последний 2023 г. объем взысканных в качестве алиментов средств достиг уже 66 млрд. руб. Между тем, не во всех случаях средства в счёт уплаты алиментов удаётся взыскать, так как примерно каждый 10-й должник не имеет законного источника дохода [7].

Очевидно, что отсутствие официальной занятости у плательщиков алиментов во многих случаях является свидетельством уклонения от уплаты алиментных платежей. Из этого следует необходимость совершенствования алиментных отношений, причём не только в части обеспечения их взыскания, но и в иных аспектах, в том числе связанных с поиском инструментов, которые бы стимулировали добровольность их уплаты.

Основная часть

Алиментные правоотношения начали зарождаться ещё в древнерусском праве, хотя до XV в. привычном нам формате они фактически отсутствовали. Далее в их основу были положены церковные нормы, хотя и светское право все более детально начинало их регулировать. В XX в. алиментные правоотношения в плане правового регулирования и практики правоприменения развивались

весьма динамично [8]. Сказанное свидетельствует о том, что рассматриваемые правоотношения имеют определённые исторические корни, а Российское государство – многовековой опыт их развития. Тем не менее, на сегодняшний день многие вопросы алиментных правоотношений продолжает оставаться предметом научных споров, причём сами спорные вопросы весьма разнообразны, что следует из содержания Семейного кодекса РФ [2] (далее – СК РФ).

Раздел V СК РФ, нормы которого регулируют эту сферу отношений, включает в себя пять глав, каждая из которых регламентируют один из следующих аспектов:

- алиментные обязательства родителей и детей;
- алиментные обязательства супругов и бывших супругов;
- алиментные обязательства других членов семьи;
- вопросы заключения и исполнения соглашения об уплате алиментов;
- порядок и уплаты и взыскания.

Соответственно, в рамках каждого из аспектов может быть выделен довольно широкий круг вопросов, которые так или иначе вызывают споры не только в научной среде, но и в среде правоприменителей. Конечно, в рамках данного исследования касаться всех нюансов не предполагается, и основной акцент будет делаться на наиболее значимых аспектах.

Среди важнейших выделяется вопрос определения сущности алиментов и опосредуемых алиментами правоотношений, так как понимание сущности правоотношений влияет на выработку мер по их дальнейшему развитию.

В п. 2 ст. 80 СК РФ алименты как «средства на содержание несовершеннолетних детей». Причем из общего смысла указанной нормы также следует, что алиментами надлежит признавать не всякие средства на содержание детей, а только те, которые имеют соответствующий статус де-юре и предоставляются в определенном СК РФ порядке.

Руководствуясь и нормами СК РФ, в частности, ст. 80, и моральными принципами, содержание детей до их совершеннолетия есть обязанность родителей. И в нормальном состоянии правоотношений такое содержание осуществляется (предоставляется) без каких-либо юридических формальностей. Соответственно, в таких случаях средства на содержание детей не именуется алиментами.

Интересна позиция Конституционного Суда РФ по данному вопросу. Им было отмечено исполнение обязанности по обеспечению надлежащих условий для реализации ребенком права на достойный уровень жизни:

- добровольно (исходя из общепризнанной презумпции добросовестности родительской заботы, в том числе в рамках соглашения об уплате алиментов);
- принудительно (в случае непредоставления содержания добровольно взыскиваются алименты) [3].

Таким образом, алименты не могут рассматриваться лишь как средства, взыскиваемые принудительно или же как средства. Однако анализ норм СК РФ, регламентирующих вопросы уплаты алиментов, позволяет сделать вывод об алиментах как средствах, выплачиваемых родителем, не содержащим детей.

Учитывая изложенное, алименты представляются инструментом компенсации отсутствующей родительской заботы, презюмируемой законодательством, а также средством защиты детства, отцовства, материнства, гарантированной Конституцией РФ [1] (применительно к уплате алиментов на детей).

Подчеркнем, что в первоочередном порядке алиментные правоотношения важны именно для защиты детства. Что касается отцовства и материнства, то и с точки зрения этих ценностей алиментные отношения важны, но являются менее значимыми. Так, в результате выплаты отцом алиментов на детей, проживающих с матерью, обеспечивается защита материнства: бремя заботы о детях, таким образом, делится между матерью и отцом. В случае выплаты алиментов матерью на детей (в отечественной практике имеет место в исключительных случаях),

проживающих с отцом, обеспечивается защита отцовства. Иными словами, родитель, повседневно не участвующий в содержании и воспитании детей, компенсирует свое отсутствие финансово.

Таким образом, непосредственными субъектами рассматриваемых правоотношений выступают родители (родитель, получающий алименты, родитель, выплачивающий алименты), а также дети. Причем от имени детей в рамках данных правоотношений выступает именно родитель, получающий алименты (имеющий право на получение алиментов). Данная категория лиц является заинтересованной.

В более редких случаях в качестве субъектов могут выступать супруги и бывшие супруги, а также другие члены семьи. Однако такого рода случаи в настоящем исследовании особого интереса не представляют.

Помимо того, можно выделить и субъектов, у которых отсутствует заинтересованность, но которые в силу закона участвуют в указанных правоотношениях. Ими могут быть, прежде всего, работодатель родителя, обязанного выплачивать алименты, а также орган, осуществляющий взыскание, коим является Федеральная служба судебных приставов России (ФССП России).

Специфика анализируемых отношения проявляется в следующем:

- безвозмездным характером отношений;
- длящимся и срочным характером обязательств;
- отсутствием обусловленности отношений желанием обязанного субъекта;
- неотчуждаемым характером права на алименты [5, с. 131–132].

Указанные особенности отчасти вызывают вопросы, которые важно затронуть более обстоятельно. Например, безвозмездный характер алиментных отношений, на первый взгляд, представляется очевидны, ведь взамен уплаты алиментов родитель или иной субъект, ничего не получает в связи с выполнением данной обязанности. Однако, законодательство, наряду с уплатой алиментов на содержание несовершеннолетних детей, предусматривает в п. 2 ст. 87 СК РФ и возможность взыскания алиментов на нетрудоспособных нуждающихся в

помощи родителей с их трудоспособных детей. В то же время п. 5 ст. 87 допускает возможность освобождения таких детей от алиментных обязательств в отношении нуждающихся родителей, если имело место уклонение последних от выполнения родительских обязанностей.

То есть существующий порядок регулирования семейных, в том числе детско-родительских отношений, предполагает в целом алиментные обязательства как родителей по отношению к детям, так и детей по отношению к родителям при наличии определенных условий и обстоятельств, связанных с их трудоспособностью (нетрудоспособностью) и нуждаемостью. Причем эти обязательства в общем-то носят взаимный характер, хотя такая взаимность и условна: уплата алиментов, представляющая собой в том числе и выполнение родительских обязанностей, дает основания родителю в определенных ситуациях в будущем рассчитывать на право получения алиментов от детей; если же родитель в свое время уклонялся в том числе от уплаты алиментов, это может стать поводом (основанием) для отказать ему в праве на получение алиментов. Отсюда следует и условность безвозмездности алиментных правоотношений.

По поводу длящегося и срочного характера алиментных правоотношений тоже есть некоторые замечания. Так, в судебной практике имеют место случаи взыскания алиментов на совершеннолетних трудоспособных детей ввиду их обучения по очной форме до 23 лет. Однако право на алименты в таких случаях не поддерживается Верховным Судом РФ, о чем было сказано в одном из обзоров судебной практики в 2015 г. В указанном случае Президиумом Верховного Суда РФ в качестве примера приведено дело по иску совершеннолетнего ребенка к отцу о взыскании алиментов. Мировой суд иск поддержал, сочтя, что нетрудоспособным обучающийся гражданин признается до 23 лет. Однако в суде вышестоящей инстанции с такой позицией не согласились, указав, что соответствующая норма, которой руководствовался мировой судья, распространяется лишь на тех граждан, которые до достижения 18 лет потеряли кормильца, и соответствующие нормы не регулируют семейные отношения [4].

Тем не менее, идея продления алиментных обязательств родителей в отношении детей находит поддержку у некоторой части юридического сообщества, в частности, у представителей ЛДПР, которыми рассматривается возможность внесения соответствующего законопроекта, содержащего нормы об обязанности уплаты алиментов на обучающихся очно в высшем учебном заведении детей до 23 лет [10]. Но думается, что такие инициативы не должны поддерживаться хотя бы из тех соображений, что индивид, достигший 18 лет и объективно не имеющий ограничений по здоровью, ничем не отличается от любого другого трудоспособного гражданина. В случае принятия подобной инициативы в рамках соответствующего законопроекта и внесения предлагаемых изменений в СК РФ возникнет явный дисбаланс интересов, ведь будут возникать ситуации, когда один дееспособный гражданин (родитель) будет выплачивать другому де-факто дееспособному, но де-юре недееспособному гражданину (здоровому совершеннолетнему ребенку) определённую часть своего дохода в качестве алиментов. Вряд ли такой подход можно будет расценивать как справедливый и обоснованный.

Говоря о балансе интересов применительно к алиментным правоотношениям, важно учитывать наличие трех уровней (составляющих):

- законодательного;
- правоприменительного;
- индивидуального [9, с. 79].

Конечно, баланс интересов должен обеспечиваться на каждом из уровней, и если на одном из них этот баланс не обеспечивается, то можно говорить о необеспечении баланса интересов в целом. При этом основой для обеспечения баланса интересов выступает именно законодательство, которое состоит, прежде всего, из СК РФ. Его нормы должны устанавливать максимально справедливые правила назначения и уплаты алиментов. Обеспечивается ли это де-факто? Вряд ли.

Важно иметь в виду, что законодательство предусматривает уплату алиментов именно на ребёнка, в то время как не содержит норм, которые бы позволяли контролировать родители, уплачивающему алименты, факты расходования уплачиваемых средств именно на содержание ребёнка. Родитель же, получающий алименты на содержание ребёнка и обязанный их надлежащим образом расходовать, может не вполне добросовестно исполнять данную обязанность, расходуя соответствующие средства в том числе и на себя. Более того, не исключены и возможности пользования соответствующими алиментными средствами новым супругом родителя, получающего алименты на ребёнка.

Как отметил С. В. Зыков, демотивирующие плательщика сомнения в том, на ребёнка ли тратятся деньги, могут быть разрешены при наличии обязательства отчёта о расходовании средств, потраченных на ребёнка со стороны родителя, их получившего» [6, с. 98]. Думается, что такая идея, безусловно, должна быть поддержана и лечь в основу совершенствования алиментных правоотношений.

Заключение

Алиментные правоотношения, складывающиеся в России на основе СК РФ, конечно же требуют усовершенствования. Главное внимание в их регулировании целесообразно сосредоточить на обеспечении баланса сторон.

Во-первых, принципиально важным представляется отказ от идеи продления алиментных обязательств до 23 лет.

Во-вторых, поддержка и практическая реализация идеи внесения в СК РФ норм, наделяющих плательщика алиментов правом на получение с определённой периодичностью отчётов о расходовании средств, выплаченных в качестве алиментов.

В-третьих, реализация указанной инициативы должна быть снабжена и соответствующими нормами законодательства об ответственности за нецелевое расходование средств, выплачиваемых на ребёнка. Только в этом случае могут быть обеспечены сбалансированные алиментные правоотношения.

Но прежде чем внести соответствующие изменения в нормы СК РФ или другие законодательные акты, принципиально важно детальное обсуждение каждого нюанса с учётом сложившейся правоприменительной практики.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 2020. 4 июля.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 дек. 1995 г. (с изм. и доп. от 31 июля 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6139.
3. По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Г. Клепиковой: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 апр. 2022 г. № 15-П // СПС «КонсультантПлюс».
4. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей: утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 13 мая 2015 г. // Официальный портал Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrp.ru/Show_pdf.php?Id=10042 (дата обращения: 16.06.2025).
5. Билдинмаа А. А., Салчак А. А. О. Понятие и содержание алиментных обязательств в семейном праве // Вестник Тувинского государственного университета. №1 Социальные и гуманитарные науки. 2018. № 1(36). С. 130–135.
6. Зыков С. В. Алиментные правоотношения: в поисках баланса интересов // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12(97). С. 96–103.

7. Манджиева Д. Объем ежегодно взыскиваемых приставами алиментов вырос почти в 4 раза за 5 лет // Портал Газеты «Коммерсант». 15.02.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6510694> (дата обращения: 16.06.2025).
8. Минеева И. Н., Панфилов М. А. Основные исторические аспекты развития алиментных правоотношений в России // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 3А. С. 297–307.
9. Пьянкова А. Ф. Баланс интересов в алиментных правоотношениях // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1(86). С. 77–87.
10. Каплан Панеш предложил обязать выплачивать алименты на детей до 23 лет // Официальный портал ЛДПР. URL: <https://ldpr.ru/event/312086> (дата обращения: 16.06.2025).

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 2020. 4 iyul.
2. Semejny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dek. 1995 g. № 223-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 8 dek. 1995 g. (s izm. i dop. ot 31 iyul. 2023 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 1996. № 1. St. 16; 2023. № 32 (ch. I). St. 6139.
3. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 3 stat`i 213.25 Federal`nogo zakona "O nesostoyatel`nosti (bankrotstve)", abzacza vos`mogo chasti pervoj stat`i 446 Grazhdanskogo processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, a takzhe punkta 1 stat`i 61 i punkta 1 stat`i 80 Semejnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanki O.G. Klepikovoj: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 14 apr. 2022 g. № 15-P // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Obzor sudebnoj praktiki po delam, svyazanny`m so vzy`skaniem alimentov na nesovershennoletnix detej, a takzhe na netrudosposobny`x sovershennoletnix detej: utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda Ros. Federacii 13 maya 2015 g. // Oficial`ny`j

portal Verhovnogo Suda RF. URL: https://www.vsrp.ru/Show_pdf.php?Id=10042 (data obrashheniya: 16.06.2025).

5. Bildinmaa A. A., Salchak A. A. O. Ponyatie i sodержanie alimentny`x obyazatel`stv v semejnom prave // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. №1 Social`ny`e i gumanitarny`e nauki. 2018. № 1(36). S. 130–135.

6. Zy`kov S. V. Alimentny`e pravootnosheniya: v poiskax balansa interesov // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2018. № 12(97). S. 96–103.

7. Mandzhieva D. Ob`em ezhegodno vzy`skivaemy`x pristavami alimentov vy`ros pochni v 4 raza za 5 let // Portal Gazety` «Kommersant». 15.02.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6510694> (data obrashheniya: 16.06.2025).

8. Mineeva I. N., Panfilov M. A. Osnovny`e istoricheskie aspekty` razvitiya alimentny`x pravootnoshenij v Rossii // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13, № 3A. S. 297–307.

9. P`yankova A. F. Balans interesov v alimentny`x pravootnosheniyax // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2018. № 1(86). S. 77–87.

10. Kaplan Panesh predlozhil obyazat` vy`plachivat` alimenty` na detej do 23 let // Oficial`ny`j portal LDPR. URL: <https://ldpr.ru/event/312086> (data obrashheniya: 16.06.2025).

Научная статья

УДК 347.94

СКРИНШОТ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ

**Вейр Бриджит, Ph.D., Технологический университет Квинсленда, Брисбен,
Квинсленд, Австралия, brweir.just.au@gmail.com**

Аннотация

Внедряемые в систему правосудия информационные технологии влекут и закономерное расширение круга доказательств, в том числе и появление скриншота как одного из видов доказательств. Несмотря на то, что в ГПК РФ скриншот в качестве доказательства прямо не упоминается, он признается таковым в судебной практике как материал, полученный посредством сети «Интернет». Актуальная гражданско-процессуальная судебная практика, в рамках которой рассматриваются скриншоты в качестве доказательств, характеризует неоднозначную оценку данного вида доказательств и наличие множества случаев их отклонения, в том числе и необоснованного. Это послужило основанием для пристального рассмотрения проблемы. Автором изучены определения понятия «скриншот», представленные в научной литературе, дана оценка предлагаемых в литературе подходов, отмечены некоторые важные элементы оценки скриншота как доказательства (характеристики), причем с учетом позиции Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, учтена также текущая судебная практика. На основании изученного материала выражено мнение о необходимости корректировки гражданского процессуального законодательства путём внесения в него норм об использовании скриншота как доказательства. При этом главным условием признания данного доказательства автором обосновывается проведение обязательной экспертизы на предмет достоверности и отсутствия изменений.

Ключевые слова: виды доказательств, доказательства, доказывание, информационные технологии, ГПК РФ, Интернет, распечатка изображения, скриншот

Статья поступила в редакцию 19.05.2025, одобрена после рецензирования 01.07.2025, принята к публикации 03.11.2025.

Original article

SCREENSHOT AS EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS: ASSESSMENT ISSUES

Bridget Weir, Ph.D., Queensland University of Technology, Brisbane, Queensland, Australia

Abstract

Information technologies being introduced into the justice system lead to a natural expansion of the range of evidence, including the appearance of a screenshot as one of the types of evidence. Despite the fact that the screenshot is not explicitly mentioned as evidence in the Civil Procedure Code of the Russian Federation, it is recognized as such in judicial practice as material obtained through the Internet. Current civil procedure judicial practice, which considers screenshots as evidence, characterizes an ambiguous assessment of this type of evidence and the presence of many cases of their rejection, including unjustified. This served as the basis for a close examination of the problem. The author has studied the definitions of the term "screenshot" presented in the scientific literature, evaluated the approaches proposed in the literature, noted some important elements of evaluating a screenshot as evidence (characteristics), and taking into account the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/23/2019 No. 10, current judicial practice is also taken into account. Based on the studied material, the opinion is expressed on the need to adjust the civil procedure legislation by introducing norms on the use of screenshots as evidence. At the same

time, the main condition for the recognition of this evidence by the author justifies the conduct of a mandatory examination for reliability and absence of changes.

Keywords: types of evidence, evidence, proof, information technology, Civil Procedure Code of the Russian Federation, Internet, image printout, screenshot

Введение

Внедрение информационных технологий практически во все сферы жизни современного общества не может не отражаться на правовой сфере в целом и в том числе на правосудии, а значит, и на практике рассмотрения судебных споров. Одним из результатов процесса информатизации и цифровизации является расширение практики использования отдельных видов доказательств, полученных с использованием компьютерной техники и аналогичной цифровой техники (компьютер, ноутбук, смартфон), в частности, скриншотов. Неоднозначная судебная практика, отражающая оценку такой категории доказательств, а также недостаточная научная разработанность вопросов, не вполне однозначное законодательство привлекают внимание к данной проблеме с точки зрения научного анализа.

Автор обозначает своей целью разработку предложений по совершенствованию норм законодательства, регулирующего вопросы использования указанного вида доказательств в гражданском процессе на основе анализа действующего законодательства, научной литературы и судебной практики.

Основная часть

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [1] (ГПК РФ) не содержит понятия «скриншот», которое, тем не менее, широко употребляется и в материалах судебной практики [2], и в научной литературе [9]. По этой причине нельзя не уточнить его правовой смысл.

В ст. 71 ГПК РФ упоминается все многообразие письменных доказательств, к которым отнесены в частности, материалы, выполненные в форме цифровой,

графической записи, в том числе полученные посредством использования сети «Интернет». По смыслу указанной нормы скриншот вполне можно понимать как материал, который выполнен в цифровой, графической форме, полученный посредством сети Интернет. Однако более конкретного понимания законодатель, к сожалению, не даёт по данному вопросу.

В судебной практике скриншоты принято рассматривать как распечатки материалов, размещенных в сети «Интернет» [3; 2]; ранее с скриншоты рассматривались в судебной практике и как «страницы в сети Интернет (снимок экрана, показывающий то, что видит пользователь на экране монитора), подтверждающие размещение информации, подлежащей раскрытию» [4].

Здесь принципиально важно уточнение, что скриншот, рассматриваемый в широком смысле, может быть и распечаткой наблюдаемого пользователем изображения на экране монитора персонального компьютера (дисплее смартфона), представленной на бумажном носителе; и непосредственным снимком с экрана, не перенесённым на бумажный носитель, а, например, оставшимся в электронной форме, в качестве электронного изображения. В этой связи для рассмотрения скриншота как доказательства по судебному делу было бы более логично использовать понятие «распечатка скриншота», что терминологически более точно отражает содержание изучаемого понятия.

Указанные взгляд на скриншот как на юридически значимое понятие можно считать обоснованным, если учитывать представленные в литературе подходы к его определению. Например, Н. Н. Ткачева описывает скриншот как снимок всего экрана или его фрагмента цифрового устройства (компьютера, планшета, ноутбука, смартфона и т. д.) [9, с. 43]. Здесь важно также обратить внимание на возможность получения скриншотов не только с экрана монитора компьютера, но и с экранов других цифровых устройств, что особенно важно для обеспечения точности правового понимания данного феномена. Но если учесть практику заверения скриншотов, то чаще всего снимки делаются именно с экрана монитора.

А. Бычков, раскрывая понятие скриншота, указывает на три немаловажных аспекта:

1) скриншот отражает в точности то, что именно и наблюдает пользователь на экране визуального устройства;

2) скриншот отражает содержимое экрана в данный конкретный момент времени;

3) скриншот, как правило, выполняется без использования курсора мыши (например, посредством нажатия клавиши «PrtSc») [6].

Указанные аспекты особенно важны, если учесть, что изображения экрана могут изменяться в каждый момент времени. Кроме того, уже сами скриншоты могут редактироваться, в том числе в отношении них могут выполняться различные операции («обрезать», «вырезать», «вставить», «размытие», «увеличение резкости» и пр.), что может кардинально отразиться на имеющем юридическое значение содержании изображения, представляемого в суд. Поэтому принципиально важно уточнять конкретные аспекты, в том числе и характеризующие процедурный аспект создания скриншота, а не только итог.

С точки зрения В. Ф. Борисовой, юридическая природа рассматриваемого понятия неопределённа, а такие элементы скриншота, как аудиосообщение, видеозапись, фотография, текст, файл, могут быть судом, изучены самостоятельно, именно сами по себе [5, с. 21]. То есть те электронные доказательства, которые связаны со скриншотом, могут быть изучены отдельно.

А. А. Дубровина, анализируя скриншот в процессуальном аспекте, предлагает причислять его к категории электронных доказательств, в качестве одной из разновидностей, и обосновывает необходимость внесения в процессуальное законодательство соответствующих дополнений [7, с. 36], с чем нельзя не согласиться.

В работе Н. Н. Ткачёвой предлагается весьма точный вариант определения понятия «скриншот»: «это снимок экрана, сделанный специальной программой, установленной на цифровом устройстве (планшете, компьютере, смартфоне и

другом устройстве), отображающий то, что было выведено на экран такого устройства» [9, с. 44].

Здесь, однако, нельзя не обратить внимание на разнообразие скриншотов. В работе того же автора в качестве видов выделяются полный и фрагментарный. В первом случае изображение не предполагает удаления какой-либо информации, во втором – речь ведётся об отображении лишь части наблюдаемого на экране устройства [9, с. 44].

Учитывая сказанное, нельзя не отметить особую важность указания как в нормах ГПК РФ, так и в соответствующих судебных материалах на принадлежность скриншота к конкретному ввиду, поскольку, например, указание на фрагментарность скриншота может быть основанием для более детального рассмотрения этого доказательства и, вместе с ним, для постановки вопроса о причинах непредставления полного скриншота.

Автор статьи полагает также в качестве обязательной характеристики скриншота, представляемого в качестве доказательства, отмечать визуальную различимость всех его значимых компонентов, ведь по разным причинам какие-то элементы изображения на экране могут быть неразличимы (не видны). Соответственно, и при распечатке изображения, представленного на экране, какие-либо элементы могут быть неразличимы, однако это не значит, что те или иные элементы фактически отсутствуют.

Например, на экране, отображающем в конкретный момент времени содержание текстового документа, текст может быть невидим по разным причинам, в частности, ввиду совпадения цвета шрифта с цветом фона (выполнен шрифтом белого цвета на белом фоне) или ввиду чрезмерно малого размера шрифта. В итоге при просмотре изображения на экране и его распечатке соответствующий текст не будет виден. Однако это не значит, что он фактически отсутствует. Сложно предположить, в каких случаях данный нюанс может быть значим, а в каких – нет. Но игнорировать его, как нам представляется, не следует.

Думается, что целесообразно согласиться с теми авторами, которые усматривают нестабильность правового статуса скриншота как доказательства, в том числе и в рамках гражданского процесса [9, с. 45].

Это выражается, во-первых, в отсутствии упоминания в ГПК РФ, как и в других источниках процессуального законодательства, о скриншоте как доказательстве; во-вторых, в неоднозначной судебной практике, отражающей расхождение взглядов на скриншот при рассмотрении соответствующих дел разными судами.

Для иллюстрации проблемы можно обратиться, например, к Обзору судебной практики, утверждённому Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г. В п. 36 указанного Обзора приводится в пример дело, рассмотренное в 2023 г. Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ. В рамках указанного спора в первой инстанции судом было отклонено приобщение к делу доказательств, содержащих переписку пользователей электронной почты, представленную в виде скриншотов. Суд свои доводы мотивировал тем, что соответствующая переписка не была заверена, ввиду чего невозможно установить причастность именно ответчика к сделке.

При апелляционном рассмотрении дела изменений не произошло, причём суд указал на то, что истец не смог предоставить подтверждений, которые бы объективно свидетельствовали об отсутствии изменений содержания переписки.

При кассационном рассмотрении дела выводы нижестоящих судов не были поставлены под сомнение. В результате оценку доказательств уже давал Верховный Суд РФ, которым было указано, в частности, что именно суд первой инстанции не создал необходимых условий для всестороннего, полного и объективного выяснения всех обстоятельств дела, не оказал содействия в осуществление прав истца. Также было подчёркнуто, что в апелляционной инстанции не выносился на обсуждение вопрос об экспертизе скриншотов (таковая не была проведена). В итоге дело было направлено на новое рассмотрение [2].

Здесь стоит обратиться к положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, в частности, к п. 55, где Пленумом указано на право суда принимать любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в числе которых и средства, полученные с применением информационно-телекоммуникационных сетей, в частности, сети «Интернет» [3]. Соглашаясь с Пленумом в том, что соответствующие сведения, полученные посредством сети «Интернет», нормами ГПК РФ предусмотрены, нельзя не заметить отсутствие прямого указания на скриншот как на вид доказательства, однозначно пригодный к использованию в целях доказывания. Именно данный нюанс даёт основания судам отказывать в определённых ситуациях в приобщении такого рода материалов к делу.

Конечно, скриншот нельзя не признать материалом, полученным посредством сети «Интернет», однако ГПК РФ не содержит чётких критериев, которые позволяли однозначно оценивать его с точки зрения допустимости приобщения к делу. И именно этим обуславливаются поводы отказывать в приобщении скриншота в качестве доказательств.

В п. 55 указанного Постановления Пленума обращается внимание на необходимость обеспечивать наличие следующих компонентов на скриншоте (распечатке):

- 1) адреса интернет-страницы, с которой осуществлена распечатка;
- 2) точного времени получения;
- 3) подписи, отражающей факт заверения распечатки.

Указанные компоненты, обеспечивающие признание в качестве доказательства скриншота, важны. Тем не менее, их отсутствие не является однозначным основанием для отказа в приобщении скриншота к материалам дела в качестве доказательств. Иными словами, при наличии указанных элементов есть все основания для приобщения скриншота к делу, однако отсутствие таких элементов может быть основанием отказа, но в то же время суд имеет право их принять, в том числе обеспечив соответствующую возможность

проведения экспертизы на предмет достоверности сведений и отсутствия изменений. Думается, что такой подход логичен и правомерен, особенно учитывая возможность однозначного подтверждения, например, данных переписки, осуществлявшейся посредством электронной почты.

Учитывая проблемный характер судебной практики, логично было бы предложить внесение в ГПК РФ нормы, обеспечивающей однозначное признание скриншота в качестве доказательства при его соответствии определённым в законе критериям (условиям). Но подобные идеи уже неоднократно высказывались в литературе, хотя пока не были поддержаны.

А. А. Жуйкова в этой взаимосвязи отметила, что при очевидной необходимости оставить в статье 55 ГПК РФ перечень средств доказывания, следует, тем не менее, критично оценивать применяемое вновь средство доказывания, при условии, что такая возможность продиктована в режиме реального времени существующим уровнем техники. Причем, по ее мнению, критике должны быть подвергнуты попытки безусловно «встроить» такое средство доказывания как новое или иное, не оценив прежде, каким способом зафиксирована информация, подлежит ли она передаче посредством информационных систем или сети Интернет [8, с. 536].

Заключение

В гражданском процессе скриншот уже достаточно широко применяется как доказательство. Тем не менее, суды неоднозначно подходят к его оценке, в связи с чем представляется важным внести в ГПК РФ соответствующие уточнения, которые бы конкретизировали перечень условий, при соблюдении которых данное доказательство будет приниматься однозначно.

Но признавая скриншот доказательством, важно обеспечить и обязательность его оценки на предмет достоверности и изменений, особенно с учётом того, что современные информационные технологии располагают богатым инструментарием, дающим возможность вносить в любые материалы существенные преобразования. Отсюда приобщение скриншота к материалам

гражданского дела должно рассматриваться как однозначное основание для назначения соответствующей экспертизы.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.04.2011 по делу № А82-12456/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Борисова В. Ф. Скриншот переписка как доказательство в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы развития цивилистического процесса: материалы V Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, практикующих юристов, аспирантов и магистрантов. Ростов-наДону, 2022. С. 21–27.
6. Бычков А. Скриншот: практика правоприменения // Журнал «Юридический справочник руководителя». 2011. № 11. URL: <https://delo-press.ru/journals/law/protsessualnye-aspekty/38192-skrinshot-praktika-pravoprimeneniya/> (дата обращения: 25.04.2025).
7. Дубровина А. А. Электронные средства доказывания в условиях цифровой реальности // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 6. С. 36–40.
8. Жуйкова А. А. Процессуальные особенности электронных текстовых доказательств как средств доказывания по гражданским делам, связанных с

защитой интеллектуальных прав // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4, № 16. С. 530–540.

9. Ткачева Н. Н. Вопросы допустимости использования в исковом производстве современного доказательства «скриншот» // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 3. С. 42–46.

References

1. Grazhdanskiy processual'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 08.08.2024) // SPS «Konsul`tantPlyus».
2. Obzor sudebnoj praktiki rassmotreniya grazhdanskix del, svyazanny`x s narusheniem avtorskix i smezhny`x prav v informacionno-telekommunikacionnoj seti «Internet» (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 29.05.2024) // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 23.04.2019 № 10 «O primenении chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Postanovlenie Federal`nogo arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 27.04.2011 po delu № A82-12456/2010 // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Borisova V. F. Screenshot perepiska kak dokazatel`stvo v grazhdanskom sudoproizvodstve // Aktual`ny`e problemy` razvitiya civilisticheskogo processa: materialy` V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii professorsko-prepodavatel`skogo sostava, praktikuyushhix yuristov, aspirantov i magistrantov. Rostov-naDonu, 2022. S. 21–27.
6. By`chkov A. Screenshot: praktika pravoprimeneniya // Zhurnal «Yuridicheskij spravochnik rukovoditelya». 2011. № 11. URL: <https://delo-press.ru/journals/law/protsessualnye-aspekty/38192-screenshot-praktika-pravoprimeneniya/> (data obrashheniya: 25.04.2025).
7. Dubrovina A. A. E`lektronny`e sredstva dokazy`vaniya v usloviyax cifrovoj real`nosti // Arbitrazhny`j i grazhdanskiy process. 2022. № 6. S. 36–40.

8. Zhujkova A. A. Processual`ny`e osobennosti e`lektronny`x tekstovy`x dokazatel`stv kak sredstv dokazy`vaniya po grazhdanskim delam, svyazanny`x s zashhitoy intellektual`ny`x prav // Aktual`ny`e problemy` gosudarstva i prava. 2020. T. 4, № 16. S. 530–540.
9. Tkacheva N. N. Voprosy` dopustimosti ispol`zovaniya v iskovom proizvodstve sovremennogo dokazatel`stva «skrinshot» // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2022. T. 8, № 3. S. 42–46.

Научная статья

УДК 004.8:347.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Кодиров Некруз Абдулмаджидович, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой «Международное право», Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан, nekkodirtj@mail.ru

Аннотация

Гражданская правосубъектность – один из тех нюансов правовой проблематики существования и развития технологий искусственного интеллекта, который с каждым годом становится все более актуальным. В современной науке, особенно в последние годы, активно обсуждается вопрос наделения гражданской правосубъектностью систем искусственного интеллекта, чему приводятся вполне убедительных аргументы, в том числе основанные на сопоставлении такого рода систем с юридическими лицами, традиционно признаваемыми субъектами гражданского права. Тем не менее, существует много спорных вопросов, связанных с решением указанной проблемы, по крайней мере, в рамках современного российского правового поля. В данной статье рассматриваются законодательные и подзаконные нормативные правовые основы существования и функционирования систем искусственного интеллекта, обсуждаются основные подходы к разрешению вопроса правосубъектности указанных систем, обосновывается авторское мнение касательно каждого подхода. Подвергается анализу проблематика правового регулирования ответственности за вред, причинённый в результате функционирования систем искусственного интеллекта (в контексте правосубъектности указанных систем). Обсуждается идея закрепления в рамках российского законодательства понятия «роботизированный агент», как субъекта гражданского права и

соответствующих правоотношений, а значит, и субъекта гражданской ответственности и обосновывается несостоятельность указанной идеи.

Ключевые слова: ГК РФ, информационные технологии, искусственный интеллект, квази-субъект, правосубъектность, роботизированный агент, система искусственного интеллекта, субъект гражданского права, юридическое лицо

Статья поступила в редакцию 25.06.2025, одобрена после рецензирования 20.08.2025, принята к публикации 03.11.2025.

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE PROBLEM OF CIVIL LEGAL PERSONALITY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Nekruz Kodirov, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

Abstract

Civil personality is one of those nuances of the legal problems of the existence and development of artificial intelligence technologies, which is becoming more relevant every year. In modern science, especially in recent years, the issue of granting civil legal personality to artificial intelligence systems has been actively discussed, which is supported by quite convincing arguments, including those based on a comparison of such systems with legal entities traditionally recognized as subjects of civil law. Nevertheless, there are many controversial issues related to the solution of this problem, at least within the framework of the modern Russian legal framework. This article examines the legislative and subordinate regulatory legal bases for the existence and functioning of artificial intelligence systems, discusses the main approaches to resolving the issue of the legal personality of these systems, and substantiates the author's opinion on each approach. The problems of legal regulation of liability for harm caused as a result of the functioning of artificial intelligence systems (in the

context of the legal personality of these systems) are analyzed. The idea of consolidating the concept of a "robotic agent" as a subject of civil law and related legal relations, and therefore a subject of civil responsibility, within the framework of Russian legislation is discussed, and the inconsistency of this idea is substantiated.

Keywords: Civil Code of the Russian Federation, information technologies, artificial intelligence, quasi-subject, legal personality, robotic agent, artificial intelligence system, subject of civil law, legal entity

Введение

Проблематика искусственного интеллекта и в отечественном, и в зарубежном гражданском праве является относительно новой, тем не менее, она крайне остра и актуальна, особенно в контексте вопросов, связанных с признанием гражданской правосубъектности.

В настоящее время правосубъектность в рамках российского права признается лишь за человеком (физическим лицом) и объединениями людей (юридическими лицами). Что же касается искусственного интеллекта (объектов, являющихся носителями искусственного интеллекта), то за ними правосубъектность не признается. Однако вопросы, связанные с признанием их прав правосубъектности, активно обсуждаются в научной и философской литературе. Это представляется не случайно, ведь искусственный интеллект в определённой степени схож с интеллектом человеческим, особенно при принятии решений и совершении каких-либо действий, имеющих юридическое значение. Данное обстоятельство обостряет обозначенную выше проблему и требует её глубокого осмысления как в философском, так в научно-правовом и законодательном дискурсе.

Основная часть

Рассмотрение проблематики искусственного интеллекта в контексте признания правосубъектности целесообразно начать с норм Гражданского кодекса РФ [1] (ГК РФ), конкретизирующих данный вопрос. Судя по содержанию

соответствующих норм ГК РФ, прежде всего, ст.ст. 17 и 49, можно прийти к выводу о допустимости признания субъектами гражданского права исключительно физического лица (человека) и юридического лица (формального объединения граждан и (или) юридических лиц). Это означает, что в основе правосубъектности прямо или косвенно находится именно человек, личность, что обеспечивается соответствующими правами, обязанностями, ответственностью.

Очевидно, что в понимании российского законодателя лицо, являющееся носителем правосубъектности, обладает определённой автономностью, прежде всего автономностью воли. И в этом смысле ключевое условие, позволяющее признать лицо субъектом, - этим именно автономность, даже если она весьма ограниченная.

В научной литературе встречаются различные трактовки правосубъектности как в целом, так и применительно к гражданскому праву. Тем не менее, в целом упомянутые выше нормы раскрывают правовой смысл правосубъектности и дают её понимание как некоторой способности того или иного лица:

- существовать автономно в правовом поле государства;
- быть носителем прав и обязанностей;
- отвечать по своим обязательствам;
- защищать свои права и интересы.

Правосубъектность человека каких-либо сомнений не вызывает. Что касается юридических лиц, то об их правосубъектности в литературе ведутся некоторые споры, но в рамках данной статьи они не затрагиваются. В любом случае в основе правосубъектности юридического лица лежит правосубъектность человека (учредителя, руководителя), даже если человек имеет весьма опосредованное отношение к юридическому лицу. Поэтому в целом вопрос правосубъектности юридических лиц можно считать решённым, ведь

подход к этому вопросу государством выработан уже давно и реализуется на вполне понятных принципах.

Что же касается искусственного интеллекта, то относительно него вопрос правосубъектности ещё только находится в состоянии разработки. Хотя определённые нормативные положения действуют, они вызывают определённые проблемы и не дают однозначного понимания того, каким именно образом будут решаться вопросы правосубъектности в дальнейшем, по мере развития технологий искусственного интеллекта, которое, к слову, отличается стремительностью и несёт высокие риски и для России как государства, и для человечества (в глобальном масштабе).

Для изучения выбранной темы особо значимым является вопрос понимания сущности искусственного интеллекта в российском законодательстве. Данному аспекту уделяется внимание, хотя и небольшое. В Федеральном законе 24.04.2020 № 123-ФЗ искусственный интеллект трактуется как комплекс технологических решений, дающий возможность имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. При этом комплекс технологических решений включает в себя:

- информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации);
- программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения);
- процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [2].

В том же Федеральном законе представлено и определение технологий искусственного интеллекта, под которыми предложено понимать, в частности,

следующие основанные на использовании искусственного интеллекта технологии:

- компьютерное зрение;
- обработку естественного языка;
- распознавание и синтез речи;
- интеллектуальную поддержку принятия решений;
- перспективные методы искусственного интеллекта [2].

Некоторые моменты здесь вызывают определённый интерес. Во-первых, из представленного определения не совсем понятно, является ли самообучение обязательным компонентом каждой системы, базирующейся на искусственном интеллекте.

Во-вторых, круг перспективных методов искусственного интеллекта окончательно не определён, и думается, что он со временем будет расширяться, а это означает и тенденцию к постепенному расширению понятия «искусственный интеллект».

В-третьих, указанное определение искусственного интеллекта не отражает всей полноты этого феномена. То есть оно является несколько однобоким, что становится особенно очевидно, если обратиться к конкретизирующему терминологическую составляющую искусственного интеллекта Национальному стандарту «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» [4].

Указанный Национальный стандарт в целом дублирует определение термина «искусственный интеллект» и раскрывает его составляющие, а также вводит некоторые дополнительные термины, дающие более конкретные представления об искусственном интеллекте. В п. 3.40 система искусственного интеллекта (СИИ) трактуется как «техническая система, в которой используются технологии искусственного интеллекта».

В п. 3.3 Национального стандарта раскрыто содержание одной из важнейших характеристик СИИ – автономность, отражающая способность

самостоятельно (без участия человека) выполнять возложенные на нее функции на протяжении заданного времени и с заданными показателями:

- качества,
- надежности,
- безопасности.

Причем СИИ, являющиеся автономными, согласно примечанию к п. 3.3, подлежат обязательному контролю или надзору со стороны человека.

В п. 3.2 Национального стандарта представлено определение автоматической системы, под которой понимается «совокупность управляемого объекта и автономной СИИ, функционирующая самостоятельно, без участия человека».

Таким образом, российским регулятором усматриваются, как минимум, три объекта:

- непосредственно искусственный интеллект;
- СИИ;
- автоматическая система

Отсюда возникает вопрос о том, что из перечисленного может быть наделено правосубъектностью в случае положительного решения этого вопроса? Думается, что речь должна вестись исключительно об автоматической системе.

В то же время, однозначный ответ на этот вопрос вряд ли можно дать, ведь разграничить указанные феномены в практической плоскости может быть крайне сложно или даже невозможно, в отличие от нормативного (формального) разграничения, особенно учитывая возможность функционирования искусственного интеллекта (систем, основанных на искусственном интеллекте) в рамках интернет-пространства.

Нет и общепринятого взгляда на решение вопроса автономности. Так, в указанном Национальном стандарте не конкретизируется, о какой именно автономности ведётся речь – полной или частичной. В этой связи. П. М. Морхат, указывает на возможность признания искусственным интеллектом

самоорганизующейся компьютерно-аппаратно-программной виртуальной или киберфизической системы, которая обладает как полной, так и частичной автономностью. Причём в определении указанного автора конкретно подчёркивается комплексность характеристик искусственного интеллекта мыслить, самоорганизовываться, обучаться, принимать решения самостоятельно [11, с. 69].

Более того, указанный автор не упоминает о таких аспектах, как функционирование СИИ на протяжении заданного времени в соответствии заданными параметрами качества, надёжности, безопасности, что представляется более верным с точки зрения реалий развития СИИ, ведь нельзя исключить, что отдельные СИИ могут в своём функционировании не отвечать определённым параметрам качества, надёжности, безопасности. В конечном итоге до определённого момента об указанных характеристиках невозможно судить: система объективно может считаться безопасной, надёжной, качественной до того момента, пока в результате её функционирования не возникла реальная опасность, не причинён какой-либо вред. И в этом смысле, например, безопасность – лишь условная характеристика, которая может быть весьма необъективной.

Учитывая возможность самообучения и мышления аналогично человеку, соответствующие характеристики, касающиеся надёжности, качества, безопасности, тоже могут меняться. Поэтому их объективная оценка тоже представляется сомнительной. Отсюда автономность не обязательно может характеризоваться качеством, надёжностью, безопасностью. Указанные характеристики являются лишь желаемыми. Думается, что для признания автономности достаточно лишь наличие способности и (или) возможности функционирование без участия человека. И такое функционирование вполне может быть некачественным, ненадежным, опасным.

С учетом указанных нюансов, президентским Указом от 10.10.2019 № 490 было запрещено делегирование системам искусственного интеллекта

ответственного нравственного выбора (в том числе принятие любых решений, способных оказать влияние на жизнь или здоровье человека), а также делегирование ответственности за последствия принятия решений. При этом подчеркнуто, что ответственность за все последствия работы систем искусственного интеллекта всегда несет физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с российским законодательством [3].

Таким образом, был однозначно решён вопрос относительно правосубъектности: признана недопустимость наделения СИИ таким свойством, что вполне обоснованно.

В научной литературе мнения касательно решения вопроса правосубъектности СИИ расходятся и условно можно выделить три подхода:

- приравнивание СИИ по статусу физическому лицу;
- приравнивание СИИ к юридическим лицам [6, с. 90; 5, с. 157; 9, с. 63].

Особенно интересным представляется идея Д. Гришина о введении в российское законодательство понятия роботизированного агента (робота-агента), под которым предлагается понимать робота, который по волеизъявлению собственника и в силу конструктивных особенностей:

- предназначен для участия в гражданском обороте;
- имеет обособленное имущество;
- отвечает по своим обязательствам указанным имуществом;
- может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [7].

А. В. Афанасьевская указанный подход, целью которого является приравнивание СИИ к юридическим лицам, расценивает как наиболее приемлемый, в том числе с точки зрения российского законодательства [6, с. 90], что, однако, весьма спорно.

Интересное мнение высказали Г. А. Гаджиев и Е. А. Войниканис: «Проблемный вопрос о возможности или невозможности признать роботов

субъектами права в значительной степени связан с появлением поколения автономных роботов, способных к самообучению. В первую очередь, возникает потребность в правовой оценке ситуаций, когда действия робота приводят к нанесению вреда (деликту)... Но дело в том, что с технической точки зрения сами понятия «автономность робота» и «самообучение робота» означают отсутствие стопроцентной предсказуемости его поведения. Следовательно, возможна ситуация, когда установить прямую связь между действиями производителя или пользователя и тем вредом, который причинил робот, крайне сложно.» [8, с. 41]. Изложенное означает, что рассматривать однозначно разработчика и владельца СИИ может быть не вполне обоснованно. Помимо того, решение о целесообразности надления СИИ статусом субъекта право тоже весьма сомнительное.

Указанные авторы предлагают в качестве альтернативы применить уподобления роботов субъектам, признав их «как бы субъектами права» (квази-субъектами). Такое решение базируется, в частности, на п. 2 ст. 124 ГК РФ, согласно которому, публично-правовые образования уподобляются юридическим лицам [8, с. 45].

В. А. Лаптев высказывает предположение о том, что в будущем в XXII веке возможно признание искусственного интеллекта, способного совершать цифровые действия – решения (как с их материализацией в реальном мире, так и без таковой), субъектом права. Пока же это объект права [10, с. 97–99].

То есть пересмотр вопроса правосубъектности в некотором смысле – это вопрос времени. Возможно, в новых реалиях статус соответствующих систем будет пересмотрен. Особенно это представляется реалистичным в том случае, если исследуемые технологии выйдут на принципиально иной уровень, когда их автономность будет существенной.

Однако изложенное не означает, что проблема правосубъектности будет решена, даже когда соответствующие СИИ (роботы) будут признаны субъектами (квази-субъектами). Обозначенная проблема правосубъектности осложняется,

прежде всего, необходимостью решения проблемы ответственности, а последнее – «осложняется также и тем, что затрагивает такие важные блага, как жизнь и здоровье» [Тютчева, с. 54]. И поскольку по объективным причинам осознание указанных ценностей искусственному интеллекту недоступно, о признании роботов субъектами права неуместно. Вопрос же о их приравнивании их к юридическим лицам, как нам представляется, требует дальнейшего обсуждения.

Заключение

Очевидно, что российское законодательство ещё нуждается в совершенствовании в вопросах, связанных с правовым регулированием статуса систем искусственного интеллекта и управляемых такими системами объектов. Несмотря на то, что в настоящее время в органах законодательной власти вопрос о признании правосубъектности применительно к искусственному интеллекту не стоит, в науке и философии он активнейшим образом обсуждается, что не случайно.

Думается, что взгляды, исходя из которых разработчики и владельцы автономных систем, наделённых искусственным интеллектом, несут ответственность, будет в скором времени пересматриваться, особенно учитывая определённую неподконтрольность таких систем и способность к самообучению.

Подводя итог, автор считает возможным подчеркнуть несостоятельность идей, в рамках которых управляемый средствами СИИ автономный объект (робота) предлагается приравнять в статусе к физическому лицу. Между тем, вопрос о наделении таких объектов характеристиками субъекта или квази-субъекта ещё должен обсуждаться. В любом случае даже квази-субъектность роботов должна базироваться на субъектности тех лиц, которые их разрабатывают, владеют ими и используют их.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».
4. ГОСТ Р 59277-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 23.12.2020 № 1372-ст) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Архипов В. В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
6. Афанасьевская, А. В. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4(141). С. 88–92.
7. Бойко А. Дмитрий Гришин представил проект регулирования правового статуса роботов в России // RoboTrends. 17 дек. 2016. URL: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov> (дата обращения: 20.05.2025).

8. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
9. Ирискина Е. Н. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 63–72.
10. Лаптев, В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
11. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
12. Тютчева Е. С. Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2(12). С. 50–58.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024) // SPS «Konsul`tantPlyus».
2. Federal`ny`j zakon 24.04.2020 № 123-FZ «O provedenii e`ksperimenta po ustanovleniyu special`nogo regulirovaniya v celyax sozdaniya neobxodimy`x uslovij dlya razrabotki i vnedreniya texnologij iskusstvennogo intellekta v sub`ekte Rossijskoj Federacii - gorode federal`nogo znacheniya Moskve i vnesenii izmenenij v stat`i 6 i 10 Federal`nogo zakona "O personal`ny`x danny`x"» // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 № 490 (red. ot 15.02.2024) «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Nacional`noj strategiej razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda») // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. GOST R 59277-2020 «Nacional`ny`j standart Rossijskoj Federacii. Sistemy` iskusstvennogo intellekta. Klassifikaciya sistem iskusstvennogo intellekta» (utv. i

vveden v dejstvie Prikazom Rosstandarta ot 23.12.2020 № 1372-st) // SPS «Konsul`tantPlyus».

5. Arhipov V. V. O nekotory`x voprosax teoreticheskix osnovanij razvitiya zakonodatel`stva o robototexnike: aspekty` voli i pravosub`ektnosti // *Zakon*. 2017. № 5. S. 157–170.

6. Afanas`evskaya, A. V. Pravovoj status iskusstvennogo intellekta // *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*. 2021. № 4(141). S. 88–92.

7. Bojko A. Dmitrij Grishin predstavil proekt regulirovaniya pravovogo statusa robotov v Rossii // *RoboTrends*. 17 dek. 2016. URL: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov> (data obrashheniya: 20.05.2025).

8. Gadzhiev G. A., Vojnikanis E. A. Mozhet li robot by`t` sub`ektom prava? (poisk pravovy`x form dlya regulirovaniya cifrovoj e`konomiki) // *Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki*. 2018. № 4. S. 24–48.

9. Iriskina E. N. Pravovy`e aspekty` grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za prichinenie vreda dejstviyami robota kak kvazisub`ekta grazhdansko-pravovy`x otnoshenij // *Gumanitarnaya informatika*. 2016. № 10. S. 63–72.

10. Laptev, V. A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost` za ego rabotu // *Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki*. 2019. № 2. S. 79–102.

11. Morxat P.M. *Iskusstvenny`j intellekt: pravovoj vzglyad*. M.: Buki Vedi, 2017. 257 s.

12. Tyutcheva E. S. Pravosub`ektnost` «e`lektronnogo licza»: teoreticheskij analiz // *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya*. 2022. № 2(12). S. 50–58.

Научная статья

УДК 346.2

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «САМОЗАНЯТЫЙ» И «ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Кодиркулов Хуршед Рахмонович, к.ю.н., доцент кафедры «Международное право», Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан, khurkodirkulus72@yandex.ru

Аннотация

Цель статьи – определить соотношение понятий «самозанятый» и «индивидуальный предприниматель» на основе анализа российского законодательства и научных точек зрения. Автором подчёркивается близость указанных понятий и в то же время признается наличие как значимых сходств, так и различий между статусами самозанятого и индивидуального предпринимателя. Указывается на отсутствие в законодательстве категории «самозанятый» и использовании для обозначения таких граждан термина «плательщик налога на профессиональный доход». В связи с этим высказывается предложение о признании понятий «плательщик налога на профессиональный доход» и «самозанятый» синонимами. Обращается пристальное внимание на предпринимательский характер деятельности самозанятых граждан, которая, в сущности, не отличается от деятельности индивидуального предпринимателя, за исключением некоторых ограничений.

Ключевые слова: бизнес, занятость, индивидуальный предприниматель, налог на профессиональный доход, предпринимательская деятельность, предпринимательское законодательство, самозанятый, трудовая деятельность

Статья поступила в редакцию 09.07.2025, одобрена после рецензирования 16.09.2025, принята к публикации 03.11.2025.

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF "SELF-EMPLOYED" AND "INDIVIDUAL ENTREPRENEUR" IN SCIENTIFIC DISCOURSE AND LEGISLATION

Khurshed Kodirkulov, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Law, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

Abstract

The purpose of the article is to determine the relationship between the concepts of "self-employed" and "individual entrepreneur" based on an analysis of Russian legislation and scientific points of view. The author emphasizes the proximity of these concepts and at the same time recognizes the existence of both significant similarities and differences between the statuses of self-employed and individual entrepreneur. It is pointed out that there is no "self-employed" category in the legislation and the term "professional income tax payer" is used to refer to such citizens. In this regard, a proposal is being made to recognize the concepts of "professional income tax payer" and "self-employed" as synonyms. Close attention is paid to the entrepreneurial nature of the activities of self-employed citizens, which, in essence, does not differ from the activities of an individual entrepreneur, with the exception of certain restrictions.

Keywords: business, employment, individual entrepreneur, professional income tax, entrepreneurial activity, entrepreneurial legislation, self-employed, labor activity

Введение

Бизнес как деятельность, иначе именуемый предпринимательской деятельностью в российском законодательстве [1], можно со всеми основаниями можно причислить к наиболее сложным (для правового регулирования) сферам общественных отношений. Эта сложность проявляется, в том числе, в нормах законодательства, определяющих статус субъектов предпринимательства, где

присутствуют некоторые противоречия, которые и вызвали исследовательский интерес.

Одно из противоречий кроется в законодательном закреплении статусов индивидуального предпринимателя и плательщика налога на профессиональный доход (самозанятого). Последний де-юре не признается предпринимателем, несмотря на наличие всех признаков предпринимательства в его деятельности, поэтому данный вопрос требует уточнения.

Цель статьи – определить соотношение понятий «самозанятый» и «индивидуальный предприниматель» на основе анализа российского законодательства и научных точек зрения.

Основная часть

В ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) правовое содержание понятия «предпринимательская деятельность» характеризуется через такие признаки, как:

- самостоятельность;
- рисковый характер;
- несение риска самим предпринимателем («свой риск»);
- наличие цели систематически извлекать прибыль;
- использование имущества, торговля товарами, выполнение работ или оказание услуг как средства извлечения прибыли [1].

Глядя на перечисленные выше признаки, создаётся достаточно конкретное представление о сути предпринимательской деятельности, которую вкладывает в это понятие законодатель. Причём данная деятельность может быть:

- индивидуальной (ведётся в форме индивидуального предпринимательства, предполагающего соответствующую регистрацию гражданина в статусе предпринимателя, в соответствии с главой VII.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [6] (Закон «О государственной регистрации»));

- коллективной (ведется в организационно-правовой форме юридического лица (организации), зарегистрированного в соответствии с нормами вышеуказанного Закона).

Важно, что коллективно предпринимательская деятельность ведется, прежде всего, в рамках коммерческого юридического лица, в соответствии с п.п. 1–2 ст. 50 ГК РФ.

Что же касается некоммерческих организаций, то п. 4 ст. 50 ГК РФ предусматривает право таких организаций на ведение деятельности, приносящей доход, но лишь при условии, если таковая деятельность служит достижению целей, ради которых такая организация создана. Из содержания этой нормы не вполне понятно, о какой именно деятельности, приносящей доход, идет речь: предпринимательской или какой-то иной? Но п. 2 ст. 24 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [5] проясняет этот нюанс, указывая на право некоммерческой организации осуществлять предпринимательской и иной приносящей доход деятельностью.

Изложенное означает, что и некоммерческая организация условно тоже может рассматриваться как субъект предпринимательства. То есть принадлежность к категории субъектов предпринимательской деятельности, по смыслу действующего законодательства, определяется в большей мере не де-юре, а де-факто. Это не противоречит законодательству напрямую, но, с другой стороны, не вполне вписывается в его логику, которая вложена изначально в соответствующие нормы законов, регламентирующие предпринимательскую деятельность и непредпринимательскую деятельность. Также важно подчеркнуть, что понятие предпринимательской деятельности является довольно широким, многоаспектным и нормами законодательства раскрывается не вполне однозначно, не совсем последовательно.

Сказанное даёт основание указать на синонимичность понятий «предпринимательская деятельность» (предпринимательство) и «коммерческая

деятельность». Каких-либо принципиальных различий между ними не усматривается.

Однако, логично задаться вопросом о том, что же представляет собой «деятельность, приносящая доход»? И. В. Шайдуров [12] относит к ней любую деятельность, имеющую целью получение дохода (прибыли). И предпринимательская деятельность, характеризующаяся систематическим характером, является лишь одним из многих видов приносящей доход деятельности. Аналогичной позиции придерживается и Т. М. Звездина [11, с. 75]. Причем такая деятельность может быть и убыточной. Поэтому первостепенную роль играет именно нацеленность на получение прибыли, а не сам результат, потому как он может отражать ни достижение цели. Это означает, что и субъекты предпринимательской деятельности, в том числе индивидуальные предприниматели, не являются единственными субъектами гражданского права, занимающимися приносящей доход деятельностью.

Статус индивидуального предпринимателя является объектом особого интереса и в связи с тем, что он регламентируется также нормами налогового законодательства, которое содержит другие немаловажные нюансы. Так, ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации (части первой) от 31.07.1998 № 146-ФЗ [2] (НК РФ) относит к индивидуальным предпринимателям физических лиц, зарегистрированных в таком статусе, а также глав крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х); при этом упоминает и граждан, не прошедших регистрацию, но осуществляющих предпринимательскую деятельность, которые не вправе ссылаться на отсутствие регистрации. Это означает, что понятия «индивидуальный предприниматель» и «осуществляющее предпринимательскую деятельность лицо» могут различаться: последнее понятие может включать в себя и тех субъектов, которые занимаются предпринимательством без регистрации, вопреки нормам закона.

Индивидуальный характер деятельности предпринимателя вызывает некоторыми сомнения. С одной стороны, по общему правилу, такой субъект ведет

деятельность индивидуально, самостоятельно. Однако, закон позволяет ему привлекать, например, и работников, аналогичной организациям, о чем сказано в ст. 309.1 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ [4], что означает условность индивидуального характера деятельности.

Важным компонентом статуса индивидуального предпринимателя является ведение бухгалтерского учета в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [7], что вносит существенные сложности и риски в деятельность. Однако в случае перехода на упрощенную систему налогообложения обязанности ведения бухгалтерского учета в общем порядке у предпринимателя не возникает [3]. Тем не менее, присутствует обязанность ведения Книги учета доходов и расходов [9].

Каких-либо ограничений, касающихся возможностей получения дохода (прибыли) применительно к статусу индивидуального предпринимателя законодательство не содержит. То есть в целом данный статус создаёт достаточно широкие возможности для извлечения прибыли и допускает осуществление достаточно широкого круга видов деятельности.

Статус самозанятого в этой связи представляет интерес с точки зрения сравнения. И в первую очередь следует сделать одно весьма существенное уточнение: понятие «самозанятый» («самозанятый гражданин») не упоминается в главном источнике законодательства, определяющем статус такого субъекта, не упоминается – Федеральном законе от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"». Там говорится о плательщике налога на профессиональный доход (НПД). Слово же «самозанятый» в большей мере находит применение в научном, экономическом, политическом дискурсе, в том числе и в официальных источниках для обозначения плательщиков НПД [10].

С учетом норм указанного Закона можно отметить следующие отличия лица, имеющего статус самозанятого:

- возможность получения статуса плательщика НПД индивидуальным предпринимателем;
- упрощенный порядок государственной регистрации;
- упрощенный порядок юридического оформления правоотношений с клиентами (наличие возможности оказывать услуги без подписания письменного договора);
- упрощенный порядок налогового учета и представления отчетности (отсутствие необходимости ведения Книги учета доходов и расходов и представления налоговой декларации).

То есть статус самозанятого позволяет в существенно упрощённом порядке вести деятельность, нацеленную на извлечение прибыли. Причем такая деятельность имеет профессиональный характер, во всяком случае, с точки зрения законодателя.

Здесь уместно сказать и об ограничениях, которые указанный выше Закон предусматривает в отношении самозанятых:

- в рамках НПД они не вправе осуществлять ряд видов экономической деятельности;
- режим НПД применяется лишь до достижения в течение календарного года доходов в размере 2,4 млн. руб.

То есть при сравнении в целом очевидно то, что к лицам, получившим статус индивидуального предпринимателя, закон предъявляет более высокие требования как в части порядка регистрации, так в части порядка осуществления предпринимательской деятельности, в частности, в рамках юридического оформления договорных отношений. Хотя и круг возможностей, обеспечиваемых законодателем, гораздо шире.

Стоит сказать, что появление в рамках российской правовой системы самозанятых, как особой категории лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью (или деятельностью, приравненной к предпринимательской), было обусловлено стремлением государства обеспечить планомерный переход

значительной части населения, имеющей так называемую неформальную занятость (занимающейся предпринимательством без регистрации), в законное русло именно за счёт упрощённого порядка регистрации и самого ведения деятельности (изначально – в качестве эксперимента).

Сказанное даёт определённые основания для признания самозанятых граждан де-факто занимающимися предпринимательской деятельностью, хотя де-юре их деятельность к предпринимательской не относится. Учитывая это, деятельность самозанятых можно также рассматривать как де-юре отличную от предпринимательской, но де-факто приравненную к предпринимательской.

Также самозанятого гражданина можно рассматриваться как лицо, ведущее предпринимательскую деятельность в особо упрощенном режиме (порядке), учитывая отсутствие ряда обязанностей, действующих применительно к индивидуальным предпринимателям.

В целом точки зрения обеспечения правовых гарантий, регулирования прав, обязанностей, ответственности данные статусы имеют как сходства, так и различия. Причём говорить о том, что какой-либо из этих двух статусов имеет безусловные преимущества, не приходится. В каких-то аспектах более предпочтительным является статус индивидуального предпринимателя, в каких-то аспектах – статус самозанятого. Вопрос выбора статуса обуславливается конкретными целями деятельности и развития в целом в рамках предпринимательства, спецификой деятельности, в том числе и уровнем прибыли (дохода).

Заключение

Понятиями «индивидуальный предприниматель» и «плательщик НПД» в законодательстве обозначаются граждане, имеющие статус, позволяющий вести деятельность, нацеленную на извлечение прибыли. Причём в определённых случаях данные статусы могут совмещаться ввиду наличия у индивидуального предпринимателя права стать плательщиком НПД.

В научном дискурсе при обсуждении проблематики предпринимательской деятельности понятие «плательщик НПД» принято обозначать термином «самозанятый», который не используется законодателем. Однако, учитывая широкое применение термина «самозанятый», возможно, следует рассмотреть вопрос о его законодательном признании в качестве синонима термина «плательщик НПД».

Учитывая общие черты и различия статуса самозанятого и индивидуального предпринимателя, можно прийти к выводу о предпринимательском характере деятельности самозанятого, хотя эта деятельность в определённой степени ограничена. Но наличие некоторых ограничений не меняет её характера принципиально.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О некоммерческих организациях» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О бухгалтерском учете» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
9. Приказ ФНС России от 07.11.2023 № ЕА-7-3/816@ «Об утверждении форм Книги учета доходов и расходов индивидуальных предпринимателей, применяющих систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог), Книги учета доходов и расходов организаций и индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения, Книги учета доходов индивидуальных предпринимателей, применяющих патентную систему налогообложения, а также порядков их заполнения» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
10. Бозиев Р. М. Правовое регулирование налога на профессиональный доход в России // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 9(142). С. 49–62.
11. Звездина Т. М. К вопросу о соотношении понятий предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 2(30). С. 72–75.
12. Шайдуров И. В. Приносящая доход деятельность в гражданском законодательстве России // Власть Закона. 2016. № 3(27). С. 199–206.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
2. Nalogovy`j kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 31.07.1998 № 146-FZ (red. ot 08.08.2024) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
3. Nalogovy`j kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya)" ot 05.08.2000 № 117-FZ (red. ot 08.08.2024) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».

4. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 08.08.2024) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
5. Federal`ny`j zakon ot 12.01.1996 № 7-FZ (red. ot 08.08.2024) «O nekommercheskix organizacijax» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
6. Federal`ny`j zakon ot 08.08.2001 № 129-FZ (red. ot 08.08.2024) «O gosudarstvennoj registracii yuridicheskix licz i individual`ny`x predprinimatelej» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
7. Federal`ny`j zakon ot 06.12.2011 № 402-FZ (red. ot 12.12.2023) «O buxgalterskom uchete» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
8. Federal`ny`j zakon ot 27.11.2018 № 422-FZ (red. ot 08.08.2024) «O provedenii e`ksperimenta po ustanovleniyu special`nogo nalogovogo rezhima "Nalog na professional`ny`j doxod"» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
9. Prikaz FNS Rossii ot 07.11.2023 № EA-7-3/816@ «Ob utverzhdenii form Knigi ucheta doxodov i rasxodov individual`ny`x predprinimatelej, primenyayushhix sistemu nalogooblozheniya dlya sel`skoxozyajstvenny`x tovaroproizvoditelej (ediny`j sel`skoxozyajstvenny`j nalog), Knigi ucheta doxodov i rasxodov organizacij i individual`ny`x predprinimatelej, primenyayushhix uproshhennuyu sistemu nalogooblozheniya, Knigi ucheta doxodov individual`ny`x predprinimatelej, primenyayushhix patentnuyu sistemu nalogooblozheniya, a takzhe poryadkov ix zapolneniya» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
10. Boziev R. M. Pravovoe regulirovanie naloga na professional`ny`j doxod v Rossii // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2022. T. 17, № 9(142). S. 49–62.
11. Zvezdina T. M. K voprosu o sootnoshenii ponyatij predprinimatel`skoj i prinosyashhej doxod deyatel`nosti nekommercheskix organizacij // Biznes, menedzhment i pravo. 2014. № 2(30). S. 72–75.
12. Shajdurov I. V. Prinosyashhaya doxod deyatel`nost` v grazhdanskom zakonodatel`stve Rossii // Vlast` Zakona. 2016. № 3(27). S. 199–206.

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences	8
Kharevich D. L. CORRELATION OF THE CONCEPTS OF "OFFENSE" AND "CRIME" IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE.....	8
Fradella G. SOCIAL FUNCTION OF THE STATE: CONCEPT, CONTENT, PROBLEMS OF IMPLEMENTATION.....	22
Farrall S. THE PLACE OF RELIGIOUS NORMS IN THE SYSTEM OF SOCIAL REGULATORS OF THE MODERN SECULAR STATE: LEGAL-THEORETICAL ASPECT.....	33
Taylor M. P. ISSUES OF THEORETICAL AND LEGAL JUSTIFICATION OF THE APPLICATION OF SHARIA IN THE REALITIES OF THE LEGAL SYSTEM OF A SECULAR STATE	44
Stickl B. THE ROLE OF LEGISLATIVE GAPS IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION	58
5.1.3. Private law (civil) sciences.....	70
Larrauri E. ON THE PROBLEM OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN THE RUSSIAN FEDERATION	70
Kokkalera S. PROBLEMS OF IMPROVING ALIMONY LEGAL RELATIONSS	83
Weir B. SCREENSHOT AS EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS: EVALUATION PROBLEMS.....	95
Kodirov N. A. ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE PROBLEM OF CIVIL LEGAL PERSONALITY IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM.....	107
Kodirkulov Kh. R. CORRELATION OF THE CONCEPTS "SELF-EMPLOYED" AND "INDIVIDUAL ENTREPRENEUR" IN SCIENTIFIC DISCOURSE AND LEGISLATION	121